

INSPIRIA

«Главная особенность Мандел – потрясающее погружение в атмосферу. Невозможно сказать, где заканчивается реальность и начинается причудливая игра воображения».

Анастасия Ханина, READRATE

СТЕКЛЯННЫЙ ОТЕЛЬ

ЭМИЛИ
СЕНТ-ДЖОН
МАНДЕЛ

INSPIRIA

Loft. Современный роман

Эмили Мандел
Стеклянный отель

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Мандел Э. С.

Стеклянный отель / Э. С. Мандел — «Эксмо», 2020 — (Loft.
Современный роман)

ISBN 978-5-04-113692-5

Новинка от Эмили Сент-Джон Мандел вошла в список самых ожидаемых книг 2020 года и возглавила рейтинги мировых бестселлеров. «Стеклянный отель» — необыкновенный роман о современном мире, живущем на сумасшедших техногенных скоростях, оплетенном замысловатой паутиной финансовых потоков, биржевых котировок и теневых схем. Симуляцией здесь оказываются не только деньги, но и отношения, достижения и даже желания. Зато вездесущие призраки кажутся реальнее всего остального и выносят на поверхность единственно истинное — груз боли, вины и памяти, которые в конечном итоге определяют судьбу героев и их выбор. На берегу острова Ванкувер, повернувшись лицом к океану, стоит фантазм из дерева и стекла – невероятный отель, запрятанный в канадской глуши. От него, словно от клубка, тянутся ниточки, из которых ткется запутанная реальность, в которой все не то, кем кажутся, и все не то, чем кажется. Здесь на панорамном окне сверкающего лобби появляется угрожающая надпись: «Почему бы тебе не поест битого стекла?» Предназначена ли она Винсент – отстраненной молодой девушке, в прошлом которой тоже есть стекло с надписью, а скоро появятся и тайны посерьезнее? Или может, дело в Поле, брате Винсент, которого тянет вниз невысказанная вина и зависимость от наркотиков? Или же адресат Джонатан Алкайтис, таинственный владелец отеля и руководитель на редкость прибыльного инвестиционного фонда, у которого в руках так много денег и власти? Идеальное чтение для того, чтобы запереться с ним в бункере. WashingtonPost Это идеально выстроенный и невероятно элегантный роман о том, как прекрасна жизнь, которую мы больше не проживем.

Анастасия Завозова

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-113692-5

© Мандел Э. С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая	7
I	7
II	9
III	22
IV	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эмили Сент-Джон Мандел

Стеклянный отель

Emily St. John Mandel

THE GLASS HOTEL

Copyright © Emily St. John Mandel, 2020

This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd.

and Synopsis Literary Agency

В коллаже на обложке использованы фотографии: © MarioGuti / iStockphoto /
Gettyimages.ru; © alexkoral / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с английского Яны Барсовой

© Барсова Я., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Посвящается
Касси и Кевину*

Часть первая

I

Винсент в океане

Декабрь 2018 года

1.

Начнем с конца: падение за борт корабля во тьму и неистовый шторм, дыхание перехватывает от ужаса, камера летит вниз под дождем...

2.

«Смети меня». Слова, которые я написала на окне, когда мне было тринадцать. Я шагнула назад, маркер выпал у меня из рук. До сих пор помню то возбуждение, эйфорию, как солнце, сверкающее в осколках стекла...

3.

Я уже выплыла на поверхность? Смертельный, невыносимый холод...

4.

Странное воспоминание: мне тринадцать, я стою на берегу в Кайетт со своей классной новой видеокамерой, которую так непривычно держать в руках, снимаю пятиминутные видео с волнами, и вдруг мне шепчет на ухо мой собственный голос: «Я хочу домой, хочу домой, хочу домой» – но ведь я и так дома?

5.

Где я? Уже не в океане и не на суше, больше не чувствую холода, не чувствую совсем ничего. Где-то проходит граница, но я не знаю, где нахожусь. Кажется, я могу с легкостью переключаться между воспоминаниями, как переходят из одной комнаты в другую...

6.

«Добро пожаловать на борт», – сказал третий помощник капитана, когда я впервые поднялась на борт «*Neptune Cumberland*». Я взглянула на него, и что-то меня поразило; я подумала: «Ты...»

7.

Я вне времени...

8.

Я хочу увидеть брата. Я слышу, как он со мной разговаривает, во мне нарастает волнение от воспоминаний о нем. Я изо всех сил собираюсь с мыслями и внезапно оказываюсь на узкой улочке незнакомого города, в темноте и под дождем. Прямо передо мной на ступеньках падает мужчина, и я знаю наверняка, что это мой брат, хотя не видела его уже лет десять. Пол поднимает глаза: он выглядит ужасно, исхудавший и измученный, он замечает меня, но потом улица пропадает...

II

Я всегда прихожу к тебе 1994 и 1999

1.

В конце 1999 года Пол изучал финансы в университете Торонто и должен был чувствовать себя победителем, но на деле все в его жизни шло наперекосяк. Он думал, что будет заниматься музыкой, но пару лет назад у него случился тяжелый период, и он продал свой синтезатор. Мать была не в восторге от перспективы, что он будет получать «беспольное» образование, и после его дорогостоящего лечения от наркозависимости ее трудно было в этом винить, поэтому он поступил на финансы, пытаясь доказать, что повзрослел и стал мыслить разумно: *«Видишь, я изучаю рынки и денежный оборот!»* – однако столь блестящему плану не суждено было сбыться, потому что эта сфера оказалась ему на редкость неинтересна. Двадцатый век подходил к концу, и у Пола накопились к нему претензии.

Он рассчитывал, по меньшей мере, занять достойное положение в обществе, но беда в том, что, когда ты выпадаешь из социума, жизнь вокруг не останавливается. Пол то с головой погружался в употребление веществ, то перебивался изматывающей и унижительной работой менеджером по продажам, пытаясь не думать о наркотиках, клинике и реабилитации. Тем временем ему исполнилось 23 года, и он выглядел старше своих лет. В первые недели учебы он ходил на вечеринки, но ему никогда не удавалось с легкостью завязывать разговоры с незнакомцами, к тому же он чувствовал себя на фоне окружающих чуть ли не стариком. Экзамены в середине семестра он сдал плохо и к концу октября или пропадал в библиотеке – читал учебники и судорожно пытался хоть немного заинтересоваться финансами, найти выход из положения, – или сидел у себя в комнате, а за окном сгустился холод. В комнате он жил один: Пол и его мать сошлись во мнении, что было бы катастрофой, если бы сосед Пола тоже оказался наркоманом, поэтому он почти всегда пребывал в полном одиночестве. Комната была до того маленькой, что он едва ли не страдал от клаустрофобии и потому предпочитал сидеть у окна. Пол практически ни с кем не общался, разве что обменивался с людьми дежурными репликами. На горизонте маячила мрачная тень экзаменов, учебные дела не предвещали ничего хорошего. Он пытался сосредоточиться на теории вероятности и мартингалах с дискретным временем, но постоянно мысленно возвращался к фортепианной композиции, которую никак не мог дописать, – незамысловатой мелодии в до-мажоре с внезапными вкраплениями минорных мотивов.

В начале декабря он вышел из библиотеки с Тимом, который посещал два курса вместе с Полом и тоже сидел на лекциях на последнем ряду.

– У тебя есть сегодня планы на вечер? – спросил Тим. Впервые за долгое время к нему кто-то обратился с вопросом.

– Я думал, может, сходить на какой-нибудь концерт.

На самом деле Пол даже не думал об этом до того момента, как сказал вслух, но концерт показался ему подходящим занятием на вечер. Тим слегка оживился. В прошлый раз они тоже говорили о музыке.

– Я хотел сходить на одну группу, «Baltica», но мне надо готовиться к экзаменам. Слышал про них? – спросил Тим.

– Про экзамены? Еще бы, я просто с ума схожу.

– Нет. Про «Baltica». – Тим растерянно заморгал.

Пол вспомнил, что Тим не понимает юмора: он еще в прошлый раз это заметил. В общении Тим напоминал антрополога с другой планеты. Пол надеялся, что они смогут подружиться, но с трудом представлял, с чего начать разговор. *«Я вижу, ты такой же одинокий и отчужденный, как и я, не хочешь сравнить конспекты?»* В любом случае Тим уже ушел и растворился в осенней тьме. Пол взял несколько воскресных газет со стойки с прессой у кафе и вернулся к себе в комнату, включил пятую симфонию Бетховена и стал просматривать список мероприятий, пока не наткнулся на «Baltica». Они выступали поздно вечером в клубе, о котором он впервые слышал, на углу улиц Куин-вест и Спадина-авеню. Когда он в последний раз был на концерте? Пол поставил начес, потом убрал его, потом передумал и снова сделал начес, поменял три рубашки и наконец выскочил из дома, преисполненный отвращения к собственной нерешительности. На улице похолодало, но холодный воздух освежал голову, к тому же врачи советовали ему заниматься физическими упражнениями, поэтому он решил пройтись пешком.

Клуб находился в подвале, вниз по крутой лестнице под магазином готической одежды. Он крадучись шел по тротуару, боясь, что клуб тоже окажется готическим и над ним будут смеяться из-за его джинсов и рубашки-поло, но охранник почти не обратил на него внимания, а вампиров среди посетителей затесалось не больше половины. В группе «Baltica» было трое участников: парень с бас-гитарой, еще один парень с набором замысловатых электронных инструментов, подключенных к синтезатору, и девушка с электроскрипкой. То, что они играли, напоминало не столько музыку, сколько расстроенное радио, вспышки странных бесвязных звуков вроде эмбиент-электроники, которую Пол, давний ценитель Бетховена, совершенно не понимал, но девушка была красивой: пускай музыка не доставляла ему удовольствия, зато смотреть на нее было приятно. Она пела в микрофон: *«Я всегда прихожу к тебе»*, но из-за эха, которое возникало, когда клавишник нажимал на педаль, выходило:

Я всегда прихожу к тебе, прихожу к тебе, прихожу к тебе, —

и голос в сочетании с электронными звуками и оглушающими помехами звучал дисгармонично, но потом девушка взяла в руки электроскрипку, и все изменилось. Когда она подняла смычок, зазвучавшая нота пролегла связующей нитью между островами помех, и Полу показалось, что скрипка, помехи и призрачная бас-гитара на фоне прекрасно сочетаются; на миг музыка его захватила, но девушка опустила скрипку, звучание распалось на отдельные элементы, и Пол снова недоумевал, как такое вообще можно слушать.

После концерта, когда музыканты выпивали в баре, Пол выждал момент и ринулся к скрипачке, пока она ни с кем не разговаривала.

– Привет, извини, что вклиниваюсь, мне очень понравилась ваша музыка, – сказал Пол.

– Спасибо, – ответила скрипачка. Она сдержанно улыбнулась, как улыбаются ослепительные красавицы, зная наперед все, что им скажут.

– Вы очень здорово выступили, – обратился к басисту Пол, чтобы обмануть ее ожидания и сломать привычный сценарий.

– Спасибо, чел. – Басист весь сиял, и Пол подумал, что он был под кайфом.

– Кстати, меня зовут Пол.

– Тео, – сказал басист. – А это Чарли и Анника.

Клавишник Чарли кивнул и поднял бокал с пивом. Анника смотрела на Пола поверх края своего бокала.

– Слушайте, ребята... Можно я задам вам странный вопрос? – Полу ужасно хотелось снова увидеть Аннику. – Я совсем недавно сюда переехал и не знаю, в какие клубы здесь лучше ходить.

– Есть один – идешь прямо по Ричмонд-стрит и налево, – ответил Чарли.

– В смысле, я уже был в паре клубов, но так трудно найти место с хорошей музыкой, везде какая-то ерунда, и я подумал, может, вы что-нибудь посоветуете...

– А. Понятно. – Тео осушил свой бокал. – Ну, тогда попробуй сходить в «System Sound».

– Но на выходных там просто ад, – вмешался Чарли.

– Да, чувак, на выходных туда лучше не ходить. А вот ночные вечеринки по вторникам там хороши.

– По вторникам там классно, – добавил Чарли. – А где ты живешь?

– На самых задворках, – ответил Пол. – Ночные вечеринки по вторникам в «System», ясно, спасибо, попробую. – Напоследок он сказал Аннике: – Пока, может, еще увидимся. – И быстро направился к выходу, чтобы не видеть ее равнодушие, которое окатывало его спину ледяной волной.

Во вторник после экзаменов, за которые он получил три обычные тройки, одну тройку с минусом и испытательный срок, Пол решил пойти в «System Soundbar» и потанцевать в одиночестве. Музыка в клубе ему не нравилась, казалась дерганой и раздражала, но ему доставляло удовольствие просто стоять в толпе. Пол не очень представлял, как танцевать под ломаные ритмы, поэтому незамысловато топтался и раскачивался на месте со стаканом пива в руке, пытаясь ни о чем не думать. Зачем вообще нужны клубы? Чтобы заглушить любые мысли в голове музыкой и алкоголем? Пол надеялся встретить Аннику, но ни ее, ни других ребят из «Baltica» видно не было. Он искал их взглядом в толпе, по-прежнему не находил и купил у девушки с розовыми волосами пакетик с ярко-синими таблетками: экстази – это ведь не героин; половинка таблетки почему-то не сработала, он проглотил вторую, и внезапно все вокруг поплыло, его бросило в жар, сердце подпрыгнуло в груди, и на секунду Полу показалось, что он умирает. Девушка с розовыми волосами исчезла. Пол добрался до скамейки у стены.

– Эй, парень, с тобой все в порядке? Все нормально?

Кто-то наклонился над ним. Судя по всему, прошло очень много времени. В клубе уже никого не было. Снова включили свет, и он был невыносимо ярким; «System» превратился в обшарпанное помещение с лужицами непонятной жидкости на танцполе. Мужчина со стеклянными глазами и избыточным пирсингом ходил по залу и собирал пустые бутылки и стаканы. Когда умолкла грохочущая музыка, тишина навалилась звенящей пустотой. Над Полом склонился управляющий клубом в кожаных брюках «Regulation»¹, футболке с Radiohead и блейзере – типичной униформе управляющего клубом.

– Да, все нормально, – ответил Пол. – Извините, я, наверное, многовато выпил.

– Слушай, я не знаю, под чем ты, но тебе это не к лицу. Мы закрываемся, пошевеливайся, – сказал управляющий.

Пол, шатаясь, встал на ноги и ушел. На улице он вспомнил, что оставил в гардеробе пальто, но дверь уже была закрыта. Он чувствовал себя одурманенным. Мимо пронеслись пять пустых такси, и только шестое наконец остановилось. Водителем оказался убежденный трезвенник-моралист, и всю дорогу до студенческого общежития он наставлял Пола на путь истинный. Полу невыносимо хотелось спать, и он сжал кулаки и ничего не говорил, пока такси наконец не подъехало к ограде. Он заплатил – чаевых не оставил – и сказал таксисту, чтобы тот шел на хрен со своими наставлениями и валил обратно в Индию.

«Я хочу, чтобы вы понимали, что я с тех пор изменился, – говорил Пол двадцать лет спустя психологу в реабилитационной клинике в штате Юта. – Я просто пытаюсь честно рассказывать обо всем, что со мной происходило».

– Я из Бангладеш. А ты придурак и расист, – сказал в ответ водитель и уехал.

Пол опустился на колени на тротуаре, и его вырвало. Он с трудом поднялся к себе в комнату и поразился масштабу надвигающейся катастрофы. Он ухитрился попасть в престижный университет и протянул в нем всего до декабря первого курса. Уже в первом семестре он был

¹ Британский бренд фетиш-аксессуаров и одежды.

на грани вылета. «Вам нужно научиться справляться с разочарованием», – сказал ему однажды терапевт, но, на свою беду, Пол вообще ни с чем не справлялся.

Две недели промелькнули незаметно, зимние праздники обошли его стороной: психолог посоветовал его матери оставить Пола в покое, дать ему возможность ощутить себя взрослым, уделить время самой себе и тому подобное – поэтому она уехала на Рождество к сестре в Виннипег и не позвала Пола с собой. Он встретил Рождество в одиночестве в своей комнате, позвонил отцу и в неловком разговоре наврал обо всем, о чем только можно, прямо как в былые времена, а во вторник, 28 декабря, как раз в период затишья между Рождеством и Новым годом, зачесал волосы назад, надел новую рубашку, купленную для особого случая, и отправился в «System Soundbar». Он надел те же джинсы, в которых был в клубе в прошлый раз, и обнаружил в кармане забытый с той ночи пакетик с синими таблетками.

Пол вошел в клуб и увидел ребят из «Baltica»: Анника, Чарли и Тео стояли у барной стойки. Наверное, они пришли сюда после концерта в соседнем клубе. Похоже, это был знак. Анника словно стала еще красивее со дня их последней встречи. Его университетская жизнь близилась к концу, но, когда он смотрел на нее, перед его глазами вставала другая реальность, другая жизнь, которую он мог бы прожить. Он понимал, что объективно вполне недурен собой. У него был какой-никакой, но талант к музыке. Возможно, его прошлое добавляло ему магнетизма. В параллельной реальности он мог бы встречаться с Анникой и во многом добиться успеха, пускай даже с учебой у него не заладилось. Он мог вернуться в ритейл, отнестись к работе серьезнее и начать неплохо зарабатывать.

«Я хочу сказать, – рассказывал он двадцать лет спустя терапевту в Юте, – я многое передумал с тех пор и, конечно, сейчас я понимаю, что те мысли были безумными, я был ужасно заиклен на самом себе, но она была такой красивой, и я подумал: а вдруг *она станет моим счастливым билетом*, вдруг благодаря ей прервется эта цепь неудач...»

«Сейчас или никогда», – подумал Пол и на волне куража решил подойти к бару.

– Привет, – сказал Тео. – Это ты. Тот самый парень.

– Я воспользовался вашим советом! – воскликнул Пол.

– Каким советом? – спросил Чарли.

– Вечеринки по вторникам в «System Soundbar».

– А, да, точно, – сказал Чарли, – да, конечно.

– Рад тебя видеть, – сказал Тео, и Пол ощутил прилив теплоты. Он улыбнулся ребятам, особо выделив Аннику.

– Привет! – сказала она не то чтобы недобро, но с раздражающей настороженностью, будто ожидая, что любой парень, который на нее посмотрит, предложит ей встречаться с ним – пускай именно это и было в мыслях у Пола.

Чарли что-то говорил Тео, и тот наклонился к нему, чтобы лучше слышать. (Краткий портрет Чарли Ву: невысокий парень в очках со стандартной стрижкой офисного клерка, в белой рубашке и джинсах, руки в карманах; в стеклах его очков отражался слепящий свет, поэтому Пол не мог разглядеть его глаза).

– Послушай, – обратился Пол к Аннике. Она посмотрела на него. – Я понимаю, что ты меня совсем не знаешь, но я просто хочу сказать, что ты очень красивая. Может, мы бы как-нибудь могли сходить поужинать вместе?

– Нет, спасибо, – ответила Анника.

Тео переключил внимание с Чарли на Пола и стал пристально его рассматривать, как будто с опаской выжидал, что будет дальше, и Пол вдруг осознал, что ребята отлично проводили время – до того момента, как появился он. Пол был здесь лишним. Чарли протирал очки, явно в забытии, и покачивал головой в такт музыке.

Пол заставил себя улыбнуться и пожал плечами.

– Ладно, хорошо, ничего страшного, я просто подумал, что не помешает спросить, – сказал он.

– Конечно, не помешает, – согласилась Анника.

– Ребята, как вы относитесь к экстази? – спросил Пол.

Двадцать лет спустя он говорил терапевту: «Если честно, я не знаю, зачем я это сказал, у меня была какая-то ужасающая пустота в голове. Не знаю, о чем я вообще думал...»

– Я такое обычно не употребляю, – стал объяснять Пол, когда все трое уставились на него. – В смысле, я никого не осуждаю, просто сам не поклонник таких вещей, но сестра мне дала пару таблеток. – Он потряс пакетиком, зажатым в руке. – Продавать мне их не хочется, а спускать в унитаз как-то жалко, поэтому я решил предложить.

Анника улыбнулась.

– Мне кажется, я пробовала что-то подобное на прошлой неделе. Точно такого же цвета.

Спустя двадцать лет после той ночи в «System Soundbar» Пол говорил терапевту: «Теперь вы понимаете, почему я раньше не рассказывал об этой истории. Но я не знал, что экстази – это что-то плохое. Мне казалось, что мой организм просто странно себя повел, к тому же после того, как я завязал с опиоидами, я был слегка не в форме; я даже не думал, что таблетки настолько вредны и тем более что от них можно...»

– В общем, можете брать, если хотите, – закончил он свою речь, обращенную к компании, которая, как и все прочие компании в его жизни, собиралась его отвергнуть. Анника улыбнулась и взяла из его рук пакетик.

– Увидимся, – попрощался он с ребятами, и прежде всего с Анникой, ведь иногда *«нет, спасибо»* на самом деле означает *«не сейчас, но, может быть, позже»*, но эти таблетки, эти таблетки...

– Спасибо, – ответила она.

«Просто она так отреагировала... – рассказывал Пол терапевту. – Я представляю, что вы сейчас думаете, но я правда решил, что она пробовала те же самые таблетки на прошлой неделе, и она так улыбалась, что я подумал, она испытала кайф, ей понравилось, а то, что мне самому было так плохо после таблеток, – это просто странная реакция организма, и совсем необязательно... да, я понимаю, я уже повторяюсь, но я просто хочу, чтобы вы понимали, я даже и представить не мог, к чему все это приведет, хотя сейчас с трудом верится, но я правда понятия не имел...»

После ухода Пола Анника проглотила одну таблетку и дала вторую Чарли. Его сердце остановилось полчаса спустя на танцполе.

2.

Сейчас вряд ли кто-то вспомнит истерию вокруг «конца тысячелетия», но тогда риск мировой катастрофы казался вполне реальным. Эксперты утверждали, что в полночь 1 января 2000 года атомные электростанции выйдут из строя, компьютеры по ошибке запустят через океан ядерные ракеты, все энергосистемы рухнут, а самолеты начнут падать. В жизни Пола все уже и без того пошло прахом. Через три дня после смерти Чарли Ву он стоял в телефонной будке в зале прибытия аэропорта Ванкувера и пытался дозвониться до своей сводной сестры Винсент. Ему хватило денег, чтобы сбежать из Торонто, и только – поэтому он решил поло-

житься на милость тети Шоны: он смутно помнил из детства, что у нее был огромный дом с кучей спален для гостей. Последний раз Пол виделся с Винсент пять лет назад, когда ей было тринадцать, а ему восемнадцать. Как раз тогда умерла ее мать. Тетю Шону он не видел, кажется, лет с одиннадцати. Все это проносилось у него в голове, пока в доме его тети без конца звенел телефон. Мимо прошла пара в одинаковых футболках с надписью «Веселись как в 1999-м», и внезапно он понял, что уже наступил канун Нового года. Последние трое суток прошли как в галлюциногенном сне. Он почти не спал. У тети, судя по всему, не было автоответчика. На полке под телефонным аппаратом лежал справочник, в котором он нашел номер юридической фирмы, где она работала.

– Пол, – произнесла она, когда ему удалось прорваться к ней через секретаря. – Вот так сюрприз. – Ее голос звучал мягко и сдержанно. Что она слышала о нем? Пол предполагал, что за последние годы его имя не раз всплывало в беседах. *Как там Пол? Да снова в клинике. Да, уже в шестой раз.*

– Прости, что отвлекаю тебя от работы.

У Пола защипало в глазах. Ему было бесконечно, невыразимо тоскливо из-за всего, что произошло. (Надо попытаться не думать о Чарли Ву на носилках в «System Soundbar», о том, как у него отнялась и болталась в воздухе рука).

– Нет-нет, все в порядке. Ты просто хотел узнать, как у меня дела, или?..

– Я хотел поговорить с Винсент, – сказал Пол, – звонил на домашний, но она почему-то не берет трубку, и я подумал, может, у нее отдельный номер, или...

– Она съехала год назад. – Подчеркнуто бесцветный тон тети подразумевал, что они расстались с Винсент не на самой дружеской ноте.

– Год назад? Когда ей было шестнадцать?

– Семнадцать, – поправила его тетя, как будто один год кардинально все менял. – Она поселилась с подругой из Кайетт, какой-то девушкой, которая недавно переехала. Нашла квартиру ближе к работе.

– У тебя есть ее номер?

Тетя продиктовала номер.

– Если встретитесь, передай от меня привет, – сказала она.

– А вы не общаетесь?

– Боюсь, мы расстались не очень по-дружески.

– Я думал, ты вроде как должна о ней заботиться. Ты ведь ее законный опекун?

– Пол, ей уже не тринадцать. Ей не нравилось у меня жить, ей не нравилось учиться в школе, а если бы ты получше ее узнал, то понял бы, что проще стену переспорить, чем заставить Винсент делать то, что она не хочет. Извини, мне пора бежать на совещание. Давай, пока.

Пол продолжал стоять и слушать гудки в трубке, сжимая в руке посадочный талон с нацарапанным на обратной стороне номером Винсент. Он лелеял надежду на отдельную спальню для гостей, но фантазии таяли, и земля как будто начала уходить у него из-под ног. На шее болтались наушники, он трясущимися руками надел их и нажал кнопку «play» на CD-плеере – включил «Бранденбургские концерты», пытаясь успокоиться. Он слушал Баха только в те минуты, когда ему отчаянно не хватало порядка и гармонии. «*Музыка поможет мне найти Винсент*», – подумал он и отправился на поиски автобуса до города. Как могла бы выглядеть квартира Винсент? С кем она жила? Единственной подругой сестры на его памяти была Мелисса: она одна поддержала Винсент после того случая, когда ее исключили из школы из-за надписи «*Смети меня*»². Она взяла несмываемый маркер кислотного цвета и дрожащей рукой в перчатке написала эти слова на северных окнах школы. Винсент тогда было тринадцать, она училась в Порт-Харди в Британской Колумбии, городке в самой северной точке острова Ван-

² По легенде, последние слова датского философа Серена Кьеркегора (*Прим. пер.*).

кувер, который, как ни странно, был даже менее изолированным, чем то место, где она жила. Пол не успел ее остановить, но он видел, как она выводила эту надпись, и все трое – Винсент, Пол и Мелисса – стояли и молча наблюдали, как по стеклам под несколькими буквами стекают влажные дорожки от краски. Сквозь окна с надписью темный кабинет казался нагромождением теней и пустых парт и стульев. На руке Винсент была надета мужская кожаная перчатка – бог знает, где она ее достала. Она стянула ее и бросила в мятую траву, покрытую инеем. Перчатка валялась, как мертвая крыса, а Пол беспомощно стоял рядом и глазел. Мелисса нервно хихикала.

– Зачем ты это сделала? – Пол хотел, чтобы его голос был суровым, но со стороны он прозвучал высоким и неуверенным.

– Мне просто нравится эта фраза, – сказала Винсент. Полу стало не по себе от того, как она смотрела на окно. Позади школы уже сигнализировал водитель автобуса.

– Поговорим в автобусе, – сказал Пол, и оба знали, что ни о чем говорить не будут, потому что Полу не слишком-то удавалась роль строгого старшего брата.

Винсент даже не пошевелилась.

– Мне пора, – сказала Мелисса.

– Винсент, – сказал Пол, – если мы сейчас не сядем на автобус, нам придется самим добираться до Грейс-Харбор и платить за водное такси.

– Ну и что, – ответила Винсент, но все же побрела вслед за братом в школьный автобус. Мелисса сидела впереди рядом с водителем, что давало ей прекрасную возможность заняться домашней работой, но вместо этого она украдкой смотрела на них, когда они проходили мимо. Они молча доехали до Грейс-Харбор и пересели на лодку до Кайетт. Пока лодка неслась мимо берега, Пол смотрел на огромную площадку, где строили новый отель, на облака, на затылок Мелиссы, на деревья на берегу, – на все что угодно, только не на воду, меньше всего ему хотелось думать о глубинах океана. Когда он взглянул на Винсент, то с облегчением обнаружил, что она тоже не смотрит на воду. Она глядела на темнеющее небо. На другой стороне острова находилось местечко Кайетт, по сравнению с которым Порт-Харди был настоящим мегаполисом: двадцать один дом на полосе между океаном и лесами, дорога с двумя тупиками, церквушка, построенная в 1850-х, маленькое почтовое отделение, ветшающая начальная школа – в ней было некому учиться еще с 1980-х, поэтому она простаивала без дела, – и пристань. Когда лодка пришвартовалась в Кайетт, они поднялись на холм и зашли в дом. На кухне сидели за столом отец и бабушка. Обычно бабушка жила в Виктории, а Пол – в Торонто, но ситуация была не совсем обычной. Мать Винсент пропала две недели назад. Ее каноэ нашли дрейфующим в воде.

– Родители Мелиссы позвонили в школу, – сказал папа. – Мне позвонили из школы.

Надо признать, Винсент держалась храбро, даже бровью не повела. Она уселась за стол, сложила руки и выжидающе смотрела, а Пол неловко навис над плитой и наблюдал за сценой. Может, ему тоже надо сесть за стол? Он ведь старший брат, как-никак, а значит, несет за нее ответственность. По своему обыкновению Пол не знал, как ему лучше поступить. Он читал во взглядах папы и бабушки все, что они не решались сказать вслух: волосы Винсент, выкрашенные в синий цвет, ее плохие оценки в школе, черная подводка для глаз и ужасная утрата.

– Зачем ты написала это на окне? – спросил папа.

– Не знаю, – тихо ответила Винсент.

– Это Мелисса тебя надоумила?

– Нет.

– Тогда зачем ты это сделала?

– Я не знаю. Мне просто понравились эти слова.

Ветер изменил направление, и теперь дождь стучал прямо в окно на кухне.

– Извини, – сказала она. – Я знаю, что это было глупо.

Папа сообщил Винсент, что ее отстранили от занятий до конца следующей недели: срок был бы длиннее, но его сократили в связи со «смягчающими обстоятельствами». Она молча его выслушала, встала и ушла к себе в комнату. Пол, папа и бабушка остались на кухне и слышали, как она поднимается по лестнице, а потом тихо закрывает дверь. Пол тоже сел за стол – вместе со взрослыми, подумалось ему, – его преследовала мысль, витавшая в воздухе: он ведь приехал из Торонто присматривать за ней и, вероятно, не должен был допустить, чтобы она рисовала на окнах школы несмываемые граффити. Но разве он был в состоянии хоть за кем-то присматривать? С чего он взял, что может кому-то помочь? Никто не решался озвучить его мысли, все сидели молча и слушали, как дождь стекает в ведро, которое папа поставил в углу. Винсент по-прежнему незримо присутствовала на кухне, пускай отец и бабушка старательно этого не замечали: вентиляционное отверстие вело как раз в ее комнату.

– Ну, я, пожалуй, пойду займусь домашними заданиями, – сказал наконец Пол, не в силах больше выносить эту сцену.

– Как там у тебя дела? – спросила бабушка.

– В школе? Отлично. Все отлично, – ответил Пол.

Они-то думали, что он из благородных чувств пожертвовал собой ради сестры – бросил друзей в Торонто и переехал доучиваться *сюда*, но если бы они хоть немного обращали внимание на происходящее или общались с его матерью, то узнали бы, что из предыдущей школы его исключили, а мать выгнала его из дома. Но разве бывает так, что человек однозначно заслуживает *или* восхищения, или презрения? Разве мир делится на черное и белое? Одна и та же вещь может быть одновременно истинной и ложной, твердил он про себя. Да, он воспользовался вероятной смертью мачехи, чтобы уладить свои проблемы и начать все сначала, но ведь это не означает, что он не способен сделать что-нибудь хорошее для сестры или кого-нибудь еще. Бабушка уставилась на него невидящим взглядом: может, она уже успела поговорить с его матерью? Папа тем временем мучительно долго готовился что-то сказать – ерзал на стуле, покашливал, подносил ко рту чашку с чаем и останавливался на полпути. Пол с бабушкой прекратили многозначительный обмен взглядами и стали ждать, когда он заговорит. Горе придавало ему серьезности и внушительности.

– Скоро мне придется выйти на работу. Я не могу взять ее с собой в лагерь, – произнес он.

– И что ты предлагаешь? – спросила бабушка.

– Думаю, отправлю ее к сестре.

– Вы же никогда не были в хороших отношениях с сестрой. Честное слово, вы с Шоной начали ссориться, когда тебе было два года, а она еще из пеленок не вылезла.

– Да, иногда она меня сводит с ума, но она хороший человек.

– Она работает по сто часов в неделю, – сказала бабушка. – Для Винсент было бы лучше, если бы ты нашел работу поближе к дому.

– Здесь нет никакой работы, – возразил отец. – По крайней мере, работы с нормальной зарплатой точно нет.

– Тут ведь строят новый отель?

– Отеля пока нет, еще как минимум год будут идти строительные работы, а я в строительстве ничего не смыслю. Но дело не только в этом... – Он замолчал и стал рассматривать чашку. – Даже если не касаться денежного вопроса, я уверен, что Винсент здесь будет не по себе. Каждый раз, когда она смотрит на воду... – Он осекся и не стал продолжать.

Пол отметил, что подумал при папиных словах в первую очередь о Винсент, и это можно было счесть хорошим поступком; он думал не о проклятой бухте, на которую старался не смотреть в окно кухни, а о девочке, подслушивающей наверху их разговор через вентиляцию.

– Схожу проверю, как там Винсент, – сказал Пол. Он с удовлетворением поймал их взгляды – «*Пол ведет себя совсем как взрослый!*» – и тут же устыдился своих мыслей. Когда он поднялся наверх, у него едва не сдали нервы, но он собрался с духом, осторожно постучал

в дверь и, не получив ответа, вошел в комнату. Он уже давно не был здесь, и его поразило, насколько обшарпанной выглядела мебель; Полу было неловко осматриваться вокруг, он ощущал неловкость и за Винсент – хотя, может, она ничего не замечала? Понять было трудно. Ее кровать была старше, чем она сама, краска в изголовье облупилась и висела хлопьями; открыть верхний ящик комода можно было только дернув за шнур, а под занавески приспособили простыни. Возможно, она вообще не обращала на все это внимания. Как и предполагал Пол, она сидела у вентиляционного отверстия, скрестив ноги.

– Можно я сяду рядом с тобой? – спросил он. Винсент кивнула. *«Может быть, у меня получится»*, – подумал Пол. *Может быть, он станет для нее настоящим старшим братом.*

– Ты же не должен быть в одиннадцатом классе, – сказала она. – Я посчитала.

Господи. Он ощутил болезненный укол, потому что его сестра, которой не исполнилось и четырнадцати, была гораздо наблюдательнее отца.

– Я остался на второй год.

– Ты не смог закончить одиннадцатый класс?

– Нет, просто я много пропустил. В прошлом году я проходил реабилитацию.

– Из-за чего?

– У меня были проблемы с наркотиками.

Он мысленно похвалил себя за честность.

– У тебя проблемы с наркотиками из-за того, что родители развелись? – спросила она с искренним любопытством, но на этих словах ему резко захотелось уйти. Пол встал и начал отряхивать джинсы. В комнате Винсент было пыльно.

– У меня уже нет проблем с наркотиками. Они *были раньше*. Сейчас у меня нет никаких проблем.

– Но ты ведь курил траву в своей комнате, – возразила Винсент.

– С травой нет никаких проблем. Трава – это не героин. Это абсолютно разные вещи.

– *Героин?* – Ее глаза округлились от удивления.

– Ну, я пошел, у меня куча заданий.

«Я не ненавижу Винсент, – повторял он про себя, – Винсент здесь ни при чем, я никогда ее не ненавидел, просто я ненавижу сам факт существования Винсент». Пол время от времени твердил эту мантру. Когда он был совсем ребенком и его родители еще не развелись, папа влюбился в хиппи-поэтессу, она быстро забеременела Винсент, и уже спустя месяц Пол с матерью уехали из Кайетт – выражаясь мамиными словами, «сбежали из отвратительной мыльной оперы». Пол провел остаток детства в пригороде Торонто, каждый год уезжал на лето в Британскую Колумбию и раз в два года проводил там Рождество. Пока он летал над горами и прериями с табличкой на шее «Ребенок без сопровождения взрослых», Винсент росла в полной семье, не считая двух последних недель.

Пол оставил ее одну и пошел к себе в спальню; в детстве он проводил здесь много времени, но пока его не было, комнату использовали для хранения вещей, и теперь она казалась ему чужой. У него тряслись руки, он чувствовал себя глубоко несчастным и решил выкурить косяк. Он высунулся из окна, чтобы никто не заметил, но ветер загонял дым обратно в дом, и вскоре в дверь его комнаты постучали. Пол открыл и увидел на пороге отца с выражением неподдельного разочарования на лице. К концу недели Пол вернулся обратно в Торонто.

В следующий раз он увидел Винсент только в последний день 1999 года, когда сел в аэропорту на автобус до города, слушая «Бранденбургские концерты», а потом отыскиал дом Винсент на самой захолустной окраине: она жила в обветшалом здании через дорогу от парка, в котором бродили похожие на зомби наркоманы. Пока Пол ждал, когда Винсент откроет дверь, он пытался не смотреть на них и не думать о преимуществах, которые давал героин, – нет, не об отвратительной зависимости, вынуждающей искать все новую и новую дозу, не о болезнях, а о том состоянии, когда мир вокруг кажется прекрасным.

Дверь открыла Мелисса.

– О, привет! – воскликнула она. – Ты совсем не изменился. Заходи.

Ее слова прозвучали обнадеживающе. Ему казалось, что со дня смерти Чарли Ву на нем появилась невидимая метка. Зато сама Мелисса изменилась. Судя по ее внешнему виду, она с головой ушла в рейв. На ней были синие брюки из искусственного меха и толстовка цветов радуги, а ярко-розовые волосы были собраны в хвостики наподобие тех, что носила Винсент лет в пять-шесть. Мелисса проводила его вниз по лестнице в одну из самых ужасных квартир, которые ему доводилось видеть: подвал почти без отделки, на стенах из шлакоблока – пятна воды. Винсент варила кофе на крохотной кухне.

– Привет, – сказала она. – Рада тебя видеть.

– Я тоже.

В последний раз, когда он видел Винсент, у нее были синие волосы и она рисовала граффити на окнах, но, по-видимому, эти увлечения остались в прошлом. Она не была похожа на рейвершу, во всяком случае, ничто в ней не выдавало подобных вкусов. Она была одета в джинсы и серый свитер, длинные темные волосы небрежно спадали на плечи. Мелисса что-то быстро тараторила, как, впрочем, и всегда. Она запомнилась ему нервным ребенком. Пол тщательно разглядывал Винсент и не замечал в ней ничего, что выдавало бы нестабильность: она казалась сдержанной и собранной, осмотрительной и осторожной. Какой разительный контраст с ним самим. *Как же так вышло?* Пол снова начал прокручивать в голове одни и те же мысли и вопросы в духе *«почему ты такая, почему все так»* и был не в силах выйти из порочного круга. *Просто помни, что ты никогда не испытывал ненависти к Винсент. Она не виновата, что у нее нет тех же неприятностей, что у тебя.* Они сели в гостиной, в которой валялись комки пыли размером с мышь: Пол и Винсент на диване с тридцатилетним стажем, а Мелисса на грязном пластиковом садовом стуле – и попытались найти темы для разговора. Беседа не клеилась, они пили растворимый кофе и избегали смотреть друг другу в глаза.

– Ты хочешь есть? – спросила Винсент. – У нас почти закончилась еда, но я могу сделать хотя бы тост или сэндвич с тунцом.

– Да нет, не беспокойся. Спасибо.

– Вот и слава богу, – сказала Мелисса. – До зарплаты еще четыре дня, а завтра надо платить за квартиру. Кроме хлеба и консервированного тунца, больше ничего и нет.

– Если тебя это так беспокоит, распотроши свою заначку с деньгами на пиво, – вмешалась Винсент.

– Я сделаю вид, что не слышала этого.

– Надо не забыть купить лампочки со следующей зарплаты, – сказала Винсент. – Я вечно не слежу за деньгами и забываю.

Гостиную освещали три разномастных напольных светильника, один из них замигал в дальнем углу. Винсент встала, выключила его и вернулась на место. Комната погрузилась в полумрак и наполнилась тенями.

– Тетя Шона просила передать тебе привет, – прервал молчание Пол.

– Она хорошая, – ответила Винсент на немой вопрос Пола, – просто была не готова к тринадцатилетнему подростку с психологической травмой.

– Она намекнула, что ты бросила школу.

– Да, в школе было невыносимо.

– Поэтому ты не доучилась?

– Во многом поэтому, – ответила Винсент. – Получать одни пятерки – так себе мотивация, чтобы каждое утро тащиться в школу.

Пол не знал, что ей ответить. Впрочем, он и раньше не понимал, как нужно себя вести и что делать. Убедить ее закончить школу? Он был не в том положении, чтобы раздавать советы

другим людям. Вчера были похороны Чарли Ву. В темном углу комнаты абсолютно точно не было Чарли Ву, и все-таки Пол старался туда не смотреть.

– Ты где-нибудь учишься? – спросил он у Мелиссы.

– Осенью пойду в Университет Британской Колумбии.

– Здорово. Хороший университет.

Мелисса подняла чашку с кофе.

– Выпьем за пожизненный кредит на учебу, – сказала она.

– Ура.

Пол поднял свою чашку, но отвел глаза. Мать платила за его обучение в университете.

– Надо сходить сегодня потанцевать, – сказала наконец Мелисса. – У меня есть на примете пара мест.

– Некоторые сейчас отсиживаются в домиках на отшибе и запасаются едой на случай гибели цивилизации, – сказала Винсент.

– Охота же им так заморачиваться, – отозвался Пол.

– А у тебя нет иногда тайного желания, чтобы цивилизация и правда рухнула? – спросила Мелисса. – Чтобы произошло хоть что-то интересное.

Вечером они сели в разбитую машину Мелиссы и поехали в клуб. Винсент была несовершеннолетней, но охранник на входе в клуб предпочел закрыть на это глаза, ведь когда ты молода и красива, перед тобой открываются все двери. Во всяком случае, такие мысли посетили Пола, когда она пронеслась впереди него. Охранник долго и пристрастно изучал паспорт Пола и рассматривал его с ног до головы, поэтому ему захотелось сказать что-нибудь едкое, но он сдержался. Пол решил для себя, что новый век откроет для него новые возможности. Если вместе с миллениумом не наступит конец света, если они смогут его пережить, он станет лучше. И еще: если они переживут миллениум 2000 года, он надеется больше никогда не слышать выражение *«миллениум 2000 года»*. В гардеробе Пол увидел, что на Винсент переливающаяся футболка, точнее, спереди она выглядела как футболка, а сзади не было ничего, кроме бантика из двух завязок под лопатками, и ее голая спина казалась ужасно хрупкой.

– Я хочу что-нибудь выпить, – сказала Мелисса, и Пол подошел вместе с ней к барной стойке. Они начали с пива вместо крепких напитков – как-никак, взрослые люди, – и когда он посмотрел на танцпол, Винсент уже танцевала одна с закрытыми глазами или, может, смотрела в пол, отрешенная от всех и *погруженная в свой мир*: так говорила ее мать всякий раз, когда кто-то пытался отвлечь Винсент, в то время как она читала или неотрывно глядела в пустоту.

– Она как в трансе, – сказала Мелисса, вернее, прокричала, потому что даже у бара музыка грохотала и заглушала голоса.

– Она всегда была как в трансе, – прокричал в ответ Пол.

– Ну, после того что случилось с ее мамой, любой бы стал немного не в себе, – прокричала Мелисса, вероятно, не расслышав правильно его слов. – Такая трагичная...

Пол не разобрал последнее слово, но в этом и не было нужды. Они замолчали, размышляя о Винсент и о Трагедии Винсент, которая тоже стала отдельной сущностью. Но со стороны в Винсент ничто не выдавало личную трагедию, напротив, она казалась Полу спокойной и собранной, работала помощником официанта в отеле «Ванкувер», и ему было рядом с ней как-то не по себе.

После двух порций пива он решил присоединиться к ней на танцполе, и она улыбнулась. *«Я стараюсь измениться, – хотелось ему сказать ей, – я правда стараюсь, все пошло наперекосяк, но в новом веке все изменится»*. За день он не ел и не пил ничего, кроме пива, и отплясывал почти без стимулирующих веществ, – *почти* без них, пиво не в счет, – а потом поднял глаза и увидел в толпе Чарли Ву, и все вокруг замерло. Пол застыл на месте. Естественно, это был не Чарли, а чем-то напоминавший его парень, с такой же стрижкой и очками, в которых отражались вспышки света, но видение было настолько ужасающим, что Пол больше ни секунды не

мог оставаться на танцполе и выскочил на улицу, ничего не сказав Винсент и Мелиссе. Там они и нашли его полчаса спустя, дрожащим от холода в свете фонарей. Все в порядке, объяснил он, просто ему не нравилась музыка и захотелось подышать воздухом, а еще у него бывают приступы клаустрофобии, и да, он вдобавок сильно проголодался. Через двадцать минут они изучали меню в дайнере, окруженные пьяными посетителями, и свет был настолько ярким, что Пол окончательно убедился: никаких призраков нет. В огнях дискотечного шара все похожи друг на друга. Повсюду двойники.

– Так почему ты решил приехать сюда на Новый год? – спросила Мелисса. Пол пока точно не знал, надолго ли он здесь. – В Торонто клубы получше, чем здесь, разве нет?

– Вообще-то я решил переехать, – сказал Пол.

Винсент оторвалась от меню.

– Почему? – спросила она.

– Мне просто нужно сменить обстановку.

– У тебя какие-то неприятности? – спросила Мелисса.

– Да, – ответил он, – так, немного.

– Ну давай, расскажи нам, в чем дело, – настаивала Мелисса.

– По городу стали распространять некачественный экстази. Я боялся, что попаду под раздачу.

«Я просто не видел причины не сказать об этом прямо, ну, насколько было возможно, – говорил он терапевту в Юте в 2019 году. – Конечно, в детали я не вдавался, но был уверен, что все обойдется. Я был под угрозой отчисления, поэтому не было ничего странного в том, что я бросил учебу. Ребята в «Baltica» знали меня только по имени, а Полом зовут чуть ли не каждого второго...»

– Ого! – воскликнула Мелисса. – Ужасно.

И он подумал: *«Ты даже не представляешь, насколько»*. На Винсент, судя по всему, его слова не произвели никакого впечатления. Она продолжала молча изучать меню. Тому могло быть несколько объяснений, и ни одно из них не радовало: либо ей было наплевать на Пола, либо ее не удивило, что с ним постоянно приключаются неприятности, а может, ей и своих забот хватало. *«Я не ненавижу Винсент, – твердил он про себя, – просто я ненавижу ее поразительное везение во всем и, главное, то, что она – не я; просто меня бесит, что она может бросить учебу, переехать в жуткий район и чудесным образом выглядеть так, будто все отлично, будто ее не касаются законы гравитации и жизненные неурядицы»*. Когда они доели бургеры, Мелисса посмотрела время на своих наручных часах – такие большие пластмассовые электронные часы подошли бы скорее ребенку.

– Одиннадцать четырнадцать, – объявила она. – У нас есть еще сорок четыре минуты перед концом света.

– Сорок шесть минут, – поправил ее Пол.

– Я не думаю, что будет конец света, – сказала Винсент.

– А было бы здорово, если бы он случился, – отозвалась Мелисса. – *Бац*, и везде погас свет. – Она взмахнула руками, как будто наводила чары.

Винсент фыркнула:

– Город без света? Нет уж, спасибо.

– Было бы стремно, – согласился Пол.

– *Стремный* здесь только ты, – поддразнила его Мелисса, и он кинул в нее картофель фри, после чего всю троицу выгнали из кафе. Они несколько минут постояли на улице, дрожа от холода и мучаясь от жажды, потом Мелисса вспомнила, что где-то рядом в подвале был еще один клуб, в котором не проверяют документы, и они поехали туда, дважды заблудились и,

наконец, оказались перед дверью без таблички, за которой раздавались приглушенные пульсирующие басы. На дворе все еще был 1999-й. Они спустились по ступенькам, вошли в освещенный зал, и как только открылась дверь, Пол услышал слова:

Я всегда прихожу к тебе, прихожу к тебе, прихожу к тебе, —

и на миг у него перехватило дыхание. Из этой песни сделали танцевальный ремикс, поверх голоса Анники был наложен глубокий хаус-бит, но он сразу же узнал его: этот голос он узнал бы где угодно.

– Все нормально? – прокричала ему на ухо Мелисса.

– Все отлично! – крикнул он в ответ. – Со мной все хорошо!

Они сбросили куртки и растворились в толпе на танцполе. Песня «Baltica» перетекла в следующий трек про «синий мир»³, хит всех дискотек 1999 года, до конца которого оставалось всего несколько минут. «Последняя песня двадцатого века», – подумал Пол, пытаясь танцевать без лишних мыслей, но что-то подспудно его беспокоило, боковым зрением он замечал некое движение, как будто за ним следили. Он дико озирался по сторонам, но вокруг было море из незнакомых лиц, и никто не обращал на него внимания.

– Точно все в порядке? – крикнула Мелисса.

Свет на танцполе замигал вспышками и на долю секунды выхватил из толпы Чарли Ву: он стоял, сунув руки в карманы и глядя на Пола, а потом исчез.

– Отлично! – прокричал Пол. – Все просто отлично!

Все, что ему оставалось, – это вести себя так, будто все отлично, вопреки кошмарной уверенности, что где-то здесь находится Чарли Ву. Пол на мгновение закрыл глаза и силой заставил себя танцевать, отчаянно притворяясь, что ничего не произошло. Огни продолжали сверкать, а потом, когда 1999 год сменился 2000-м, часы начали незаметно сменять друг друга, пока не наступил рассвет. Они вывалились мокрые от пота на холодную улицу и втиснулись в раздолбанную машину Мелиссы; Пол сел впереди, а Винсент свернувшись калачиком на заднем сиденье, как кошка.

– Вот мы и пережили конец света, – сказала она, но когда Пол обернулся, Винсент спала, и он решил, что ему показалось. Мелисса была с красными глазами, гнала вовсю и рассказывала, что устроилась на новую работу – продавщицей в магазине одежды Le Château. Пол рассеянно ее слушал, и пока они ехали домой, его охватило странное, необъяснимое чувство надежды. Начался новый век. Если он пережил явление призрака Чарли Ву, он сможет пережить все что угодно. После ночного дождя улицы блестели в первых лучах утреннего солнца.

«Нет, – сказал Пол терапевту, – тогда я видел его в первый раз».

³ Песня Eiffel 65 «I'm Blue (da ba dee)».

III

Отель

Весна 2005 года

1.

Почему бы тебе не поесть битого стекла? Эти слова были написаны несмываемым маркером на окне восточной стены отеля «Кайетт», на нескольких буквах остались потеки белой краски.

– Кто мог такое написать? – задавался вопросом единственный гость, который стал свидетелем этого акта вандализма, – руководитель судоходной компании. Он заселился в отель накануне и, страдая от бессонницы, уселся в кожаное кресло со стаканом виски, принесенным ночным администратором. На часах было полтретьего ночи.

– Вряд ли взрослый человек, – ответил администратор. Его звали Уолтер, и это было первое граффити, которое ему довелось увидеть на здании отеля за три года работы здесь. Неизвестный оставил свое послание на стекле с наружной стороны. Уолтер заклеил надпись листами бумаги и теперь вместе с ночным портье Ларри двигал к окну горшок с рододендронном, чтобы закрыть наклепленную на окно бумагу. На смене в баре была Винсент. Она натирала до блеска бокалы для вина и наблюдала за происходящим из-за барной стойки в дальнем углу лобби. Уолтер раздумывал, не подключить ли ее к передвиганию горшка с растением – ему бы не помешала лишняя пара рук, а ночной уборщик ушел на обеденный перерыв, но Винсент показалась ему не слишком пригодной для такой работы.

– Довольно мрачно, правда? – сказал гость.

– Не могу с вами не согласиться. Но я думаю, – ответил Уолтер, стараясь придать своему голосу уверенность, – такое мог натворить только какой-нибудь подросток от безделья.

В действительности он был глубоко потрясен увиденным и пытался занять себя делами. Он отошел от окна оценить, насколько удачно расположен рододендрон. Листья почти полностью закрывали бумагу на стекле. Он взглянул на Ларри, тот пожал плечами, словно говоря «мы и так уже сделали все, что могли», и пошел на улицу с мешком для мусора и скотчем, чтобы заклеить надпись с обратной стороны.

– Самое главное – это очень странная надпись, – продолжил гость. – Она вызывает какое-то тревожное ощущение. А вы как считаете?

– Мне очень жаль, что вы это увидели, мистер Превант.

– Такое никому не пожелаешь увидеть. – В голосе Леона Преванта зазвучала нервная дрожь, и он поспешно отхлебнул виски. Ларри за окном аккуратно свернул полоской мешок для мусора и наклеивал ее на надпись.

– Я с вами абсолютно согласен.

Уолтер посмотрел на часы. Три часа ночи, до конца смены оставалось три часа. Ларри вернулся на свой пост у дверей. Винсент по-прежнему полировала бокалы. Он подошел к ней узнать, как дела, и увидел в ее глазах слезы.

– С тобой все в порядке? – мягко спросил он.

– Это ужасно, – сказала она, не глядя на него. – Даже не представляю, кому пришлось в голову такое написать.

– Я согласен, – ответил он. – Но я склонен думать, что это был глупый подросток.

– Ты правда так считаешь?

– Во всяком случае, я могу убедить себя в этом, – ответил Уолтер.

Он спросил у мистера Преванта, не нужно ли ему чего-нибудь, получил отрицательный ответ и продолжил изучать стеклянную стену. Той ночью ожидалось прибытие только одного гостя – VIP-персоны, но его рейс отложили. Уолтер постоял еще несколько минут у стены, рассматривая отражение лобби в стекле, за которым сгустилась темнота, и сел за стол писать отчет о произошедшем.

2.

– Здание находится в глуши, буквально на краю света, – рассказывал Уолтеру управляющий отелем во время их первой встречи в Торонто три года назад. – Но как раз в этом и состоит вся прелесть.

Они встретились в кофейне на пристани у озера, рядом с ними покачивались на воде лодки. Рафаэль, главный управляющий, жил в «Кайетт», как и почти весь персонал. Он приехал в Торонто на конференцию об индустрии гостеприимства и присматривал талантливых сотрудников других отелей, чтобы переманить их к себе. Отель «Кайетт» открылся еще в середине 90-х, но недавно его перестроили в стиле Западного побережья – с открытыми балками из кедра и огромными окнами от пола до потолка. Уолтер изучал фотографии в рекламных брошюрах, которые разложил на столе Рафаэль. Отель выглядел как дворец из стекла и дерева, на водной глади в сумерках отражались огни, а вокруг лежали тени от леса.

– Так вы сказали, – переспросил Уолтер, – до него нельзя добраться на машине? – У него возникло ощущение, что он чего-то недопонял в описании отеля.

– Именно. До отеля можно добраться только на лодке. Никаких других способов нет. Вы хотя бы немного знакомы с географией этого региона?

– Немного, – соврал Уолтер. Он никогда еще не забирался так далеко на запад страны. Образ Британской Колумбии у него в голове напоминал пейзажи с открыток: выпрыгивающие из воды киты, лодки и зеленые берега.

– Вот. – Рафаэль порылся в кипе бумаг. – Взгляните на карту.

Здание отеля было обозначено белой звездой в бухте на северной оконечности острова Ванкувер. Бухта практически разрезала остров на две половины.

– Вокруг дикая природа, но, знаете, в чем особенность дикой природы?

– В чем?

– Мало кто едет в глушь ради дикой природы. Почти никто так не делает. Рафаэль с улыбкой откинулся в кресле, вероятно, рассчитывая на то, что Уолтер спросит, что именно он имеет в виду, но тот лишь молча ждал продолжения.

– Во всяком случае, точно не гости пятизвездочных отелей, – сказал Рафаэль. – Гости «Кайетт» хотят побыть на лоне природы, но они не хотят *жить* посреди дикой природы. Они хотят просто *смотреть* на нее – и желательно из окна роскошного отеля. Они хотят быть рядом с дикой природой, но только на безопасном расстоянии. Эта точка на карте, – он указал пальцем на белую звездочку, и Уолтер мысленно восхитился его маникюром, – означает необычайную роскошь в неожиданном месте. Честно говоря, в этом даже есть нечто сюрреалистическое. Отдых высшего класса там, где даже нет сотовой связи.

– А как до него добираются гости? Как вы организуете поставки? – Уолтеру пока было трудно уловить, в чем прелесть подобного места. Бесспорно, там красиво, но оно крайне неудобно расположено; к тому же он сомневался, что типичному служащему захочется провести отпуск там, где нет сотовой связи.

– На скоростном катере. Дорога занимает пятнадцать минут от города Грейс-Харбор.

– Понятно. Если не считать природных красот, – Уолтер попытался подойти к вопросу с другого конца, – есть ли у этого отеля какие-то... фишки, отличающие его от подобных мест?

– Я как раз ждал этого вопроса. Да, они есть. В этом отеле можно почувствовать себя за пределами времени и пространства.

– За пределами?..

– Это просто фигура речи, но в целом ощущение примерно такое. – Уолтер не мог не заметить, что Рафаэлю искренне нравился отель. – На самом деле есть много людей, которые готовы заплатить кучу денег, чтобы хоть на время сбежать от современного мира.

Позже, возвращаясь домой осенним вечером, Уолтер подумал, что сбежать от мира – не такая уж плохая идея. Он снимал крохотную однокомнатную квартиру на улице, затерявшейся где-то между двумя районами. Более унылой квартиры он не видел за всю свою жизнь и, пускай ему было трудно это объяснить, именно поэтому и решил в ней поселиться. Где-то на другом конце города его бывшая невеста, балерина, бросившая его два месяца назад, обустраивала свой новый дом вместе с адвокатом.

По пути домой Уолтер зашел в продуктовый магазин и представил, как он заходит сюда завтра, и послезавтра, и послепослезавтра, расхаживает с тележкой в отделе полуфабрикатов после смены в отеле, в котором работал последние лет десять, стареет, а вокруг него кольцом сжимается город, – нет, эта картина была невыносимой. Он положил в корзину пакет замороженной кукурузы. Что, если он покупает кукурузу в этом магазине в последний раз? Такая мысль показалась соблазнительной.

Он двенадцать лет встречался с балериной. Ему даже в голову не приходило, что они могут расстаться. Друзья советовали ему не совершать импульсивных поступков, и он был уверен, что они правы. Но больше всего ему хотелось просто исчезнуть, и, подойдя к кассе, он понял, что решился. Он принял предложение о работе, обо всем договорился; месяц спустя в назначенный день вылетел в Ванкувер, затем сел на стыковочный рейс в Нанаймо; кукурузник на 24 места едва успел достичь облаков и тут же приземлился; переночевал в отеле и на следующий день отправился в «Кайетт». Путь мог бы занять гораздо меньше времени, если бы Уолтер долетел до крошечного аэропорта на севере, но ему хотелось лучше узнать остров Ванкувер.

Был холодный ноябрьский день, над головой низко нависали облака. Он ехал на север в арендованной машине серого цвета через вереницу серых городов с видами серого моря по правой стороне, мимо пейзажей с темными деревьями, «Макдоналдсов» на автозаправках и огромных моллов под свинцовым небом. Наконец он добрался до города Порт-Харди и с трудом нашел на залитых дождем улицах место возврата машины. Он позвонил в единственный на весь город сервис такси и полчаса ждал, пока наконец не приехал разбитый универсал с насквозь прокуренным салоном и пожилым водителем.

– В отель едете? – спросил таксист, когда Уолтер назвал Грейс-Харбор в качестве пункта назначения.

– Да, – ответил Уолтер и почувствовал, что ему не особенно хочется поддерживать беседу после многочасовой поездки в полном одиночестве. Они молча ехали через лес до самого поселка Грейс-Харбор: вдоль дороги и побережья изредка попадались дома, в гавани стояли рыбацкие лодки, у причалов обнаружились универсамы и парковка с несколькими старыми машинами. Он увидел в окне магазина женщину, но больше никого в окрестностях не было.

Уолтеру дали указание позвонить в отель, чтобы вызвать лодку. Вопреки заверениям, мобильная связь не работала, но недалеко от пристани была телефонная будка. В отеле пообещали выслать лодку в течение получаса. Уолтер повесил трубку и вышел из будки. На улице было прохладно; уже вечерело, мир вокруг поблек, вода мерцала под темнеющим небом, словно бледное стекло, а в лесу сгущались тени. Уолтер подошел к краю пристани, наслаждаясь тишиной. Здешние края ничем не напоминали Торонто – разве не этого ему хотелось? Изменить свою жизнь окончательно и бесповоротно? Где-то на востоке страны балерина с адвокатом сидели в ресторане, или гуляли, взявшись за руки, или лежали в постели. *Не думай об этом. Не*

думай. Уолтер стоял и прислушивался к тихому плеску воды у причала и редким крикам чаек, пока не различил в отдалении жужжание моторной лодки. Через несколько минут он увидел ее – белое пятно между темными полосами леса, крохотное, как игрушка, которая увеличивалась в размерах, пока не достигла пристани. Шум мотора казался в окружающей тишине оглушительно громким, кильватерная струя врезалась в опоры пристани. На корме стояла женщина лет двадцати пяти в строгой униформе, смутно напоминавшей морскую.

– Вы, видимо, Уолтер. – Одним движением она ловко спрыгнула на берег и привязала лодку к пристани. – Я Мелисса, из отеля. Помочь вам с сумками?

– Да, спасибо, – ответил он. Ее появление поразило Уолтера так, будто он увидел призрак. Когда лодка стала удаляться от пристани, он был почти счастлив. В лицо дул холодный ветер, вся поездка заняла не больше пятнадцати минут, но у него было необъяснимое чувство, словно он только что пустился в авантюру. Лодка стремительно летела по воде, опускалась тьма. Ему хотелось расспросить Мелиссу об отеле, узнать, как долго она там работает, но рев мотора заглушал все прочие звуки. Он обернулся и увидел серебристую дорожку кильватера, которая вела обратно к рассеянным огням Грейс-Харбор.

Лодка под управлением Мелиссы облетела вокруг полуострова, и перед ними вырос отель – невообразимый дворец, залитый светом и окруженный темным лесом. Только теперь Уолтер понял слова Рафаэля о том, что в этом пейзаже было что-то «сюрреалистическое». Здание было красиво и само по себе, но на общем фоне казалось странным, неуместным, однако неуместность лишь добавляла ему очарования. Стеклянная стена в лобби напоминала огромный аквариум; колонны были из кедра, пол – из искусственного камня. Двойной ряд лампочек освещал путь к пристани, где их встретил с тележкой консьерж Ларри. Уолтер пожал руку Ларри и проследовал со своим багажом к парадному входу отеля, у которой их ждал с улыбкой вышколенного консьержа Рафаэль. После инструкций, обеда и оформления документов Уолтер наконец расположился на верхнем этаже, где жили сотрудники. Окна его комнаты и терраса выходили на лес. На улице стемнело, он задернул шторы и вспомнил слова Рафаэля о том, что отель существует вне времени и пространства. Какое счастье – вовремя сбежать.

К концу своего первого года в «Кайетт» Уолтер понял, что еще никогда не был счастливее, чем здесь, но после случая с граффити лес за окном неожиданно стал казаться мрачным, тени уплотнились и сулили угрозу. Кто вышел из леса, чтобы оставить послание на окне? *«Надпись была нанесена в зеркальном отражении, – написал Уолтер в отчете о произошедшем, – что указывает на то, что она предназначалась для находившихся в лобби».*

– Спасибо за четкий и ясный отчет, – сказал Рафаэль, когда Уолтер на следующее утро зашел к нему в кабинет. Рафаэль уже двадцать лет жил в английской Канаде, но по-прежнему говорил с заметным квебекским акцентом. – А то некоторых твоих коллег попросишь составить отчет и получаешь в итоге бессвязный бред с кучей ошибок.

– Спасибо. – Уолтер ценил свою работу, как ничто другое в жизни, и похвалы Рафаэля его необычайно воодушевляли. – Надпись мрачная, правда?

– Это точно. В ней звучит угроза.

– А что на записях с камер наблюдения?

– Ничего особенно полезного. Если хочешь, могу показать. – Рафаэль развернул монитор к Уолтеру и включил черно-белую видеозапись. Видео было снято скрытой камерой на передней террасе, в режиме ночного видения все предметы казались залитыми жутковатым свечением. Из теней на краю террасы возник силуэт в штанах темного цвета и мешковатой толстовке с капюшоном. Его голова опущена – или, может, это женщина? Не разобрать. Рука в перчатке сжимает кислотный несмываемый маркер. Призрачная фигура проворно забирается на скамейку, быстро пишет на окне и, не глядя по сторонам, растворяется в темноте – все действия занимают меньше десяти секунд.

– Похоже, он готовился, – сказал Уолтер.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, он так быстро пишет. Да еще и зеркально. Или она. Не могу понять.

Рафаэль кивнул. – Можешь еще что-нибудь рассказать о прошлой ночи? – спросил он. – Что-нибудь такое, чего нет в отчете?

– В каком смысле?

– Все, что тебе показалось необычным в лобби. Любые странные детали. Даже незначительные.

Уолтер помедлил.

– Рассказывай.

– Я вообще-то не из тех, кто жалуется на коллег, – сказал Уолтер, – но мне показалось, что уборщик на ночной смене вел себя странно.

Ночным уборщиком был Пол, брат Винсент, – вернее, Винсент сказала, что он ее сводный брат, но Уолтер не знал, был у них общий отец или мать, – и он проработал в отеле три месяца. Он рассказал Уолтеру, что пять или шесть лет жил в Ванкувере, а вырос в Торонто, и этот факт должен был их объединять, но общий язык они не нашли, отчасти потому, что видели город совсем разным. Они назвали свои любимые рестораны и клубы в Торонто, и оказалось, что Уолтер никогда не слышал о «System Soundbar», а Пол – о «Zelda's». Та часть Торонто, где жил Пол, была более молодежной, с анархическим духом, там танцевали под ритмы музыки, которую Уолтер никогда не любил и не понимал, одевались по странной моде и принимали наркотики, о которых Уолтер ничего не знал. («Знаешь, почему рейверы носят соски на шее? – поведал ему Пол. – Не только потому, что у них ужасный вкус в одежде, просто от “кета” начинаешь скрежетать зубами», и Уолтер с понимающим видом кивнул, не имея ни малейшего представления, что такое «кет».) Пол никогда не улыбался. Он добросовестно выполнял свою работу, хотя порой на него накатывало забытие прямо во время уборки лобби по ночам: он смотрел в пустоту, пока мыл пол или протирал столики. Порой приходилось два-три раза его окликнуть, чтобы он вернулся к реальности, но малейшая резкость в тоне вызывала на его лице укоризненное и глубоко обиженное выражение. Его поведение нервировало Уолтера и производило на него угнетающее впечатление.

В день, когда появилось граффити, Пол вернулся с обеденного перерыва полчетвертого ночи. Он вошел через боковую дверь, и Уолтер успел заметить взгляд, которым Пол мгновенно окинул неуклюже придвинутый к окну рододендрон, а потом и руководителя судоходной компании Леона Преванта, приступившего ко второй порции виски за чтением позавчерашнего выпуска *Vancouver Sun*.

– Что-то случилось с окном? – спросил Пол, проходя мимо стойки. Его тон показался Уолтеру наигранно непринужденным.

– Боюсь, что да, – ответил Уолтер. – Там какое-то отвратительное граффити.

Глаза Пола округлились.

– А мистер Алкайтис видел?

– Кто?

– Ты же знаешь, о ком я. – Пол кивком указал на Леона Преванта.

– Это не Алкайтис. – Уолтер пристально посмотрел на Пола. Тот покраснел и стал выглядеть еще более потерянным, чем обычно.

– Я думал, это он.

– Рейс Алкайтиса отложили. Рядом с отелем никто не ошивался, ты не видел?

– Ошивался?

– Может, ты заметил что-нибудь подозрительное. Это случилось как раз около часа назад.

– А. Нет.

Пол уже не смотрел на него – еще одна его раздражающая привычка; почему он всегда отводит глаза, когда Уолтер с ним разговаривает? Вместо этого Пол уставился на Леона, а тот, в свою очередь, смотрел на окно.

– Пойду проверю, не нужны ли Винсент новые кеги для пива, – сказал он.

– Что именно было странным? – спросил Рафаэль.

– То, что он расспрашивал про гостей. С чего бы вдруг он стал узнавать, кто приедет в отель той ночью?

– Для сотрудника отеля не самая плохая идея посмотреть список гостей, войти в курс дела. Ну, чисто теоретически.

– Хорошо, допустим, так. Но он посмотрел ровно на то место на стекле, где была надпись, прямо с порога, и на цветок в горшке. Не думаю, что рододендрон так сильно бросался в глаза, – сказал Уолтер.

– Мне кажется, он явно выбивался на общем фоне, – возразил Рафаэль.

– Но разве это первое, на что обращаешь внимание? Тем более ночью? Когда ночью заходишь через боковую дверь в лобби, сначала видишь двойной ряд колонн, потом кресла со столиками, потом часть стеклянной стены...

– Он же делает уборку в лобби, – сказал Рафаэль. – Естественно, он лучше всех знает, где должны стоять горшки с растениями.

– Скажу честно, я ни в чем его не обвиняю. Просто мне так показалось.

– Я понял. Поговорю с ним. Что-то еще?

– Нет, все. Последние часы смены прошли абсолютно спокойно.

Последние часы смены.

К четырем утра Леон Превант начал зевать. Пол был где-то в глубине отеля – мыл полы в коридорах со служебными помещениями. Уолтер дописал отчет и сверился с контрольным списком. Он то и дело оглядывал лобби, пытаясь выбросить из головы навязчивые мысли о граффити. (Что может означать надпись *Почему бы тебе не поесть битого стекла*, если не *пожелание смерти*?) Ларри стоял у двери с глазами навыкате. Уолтеру захотелось подойти к нему и поболтать, но он знал, что в свободные часы Ларри медитировал, а когда у него округлялись глаза, он считал вдохи и выдохи. Потом он подумал, не подойти ли к Винсент, но было бы странно, если бы ночной администратор торчал у барной стойки в присутствии гостя, поэтому Уолтер предпочел неспешно осматривать лобби. Он поправил рамку с фотографией на стене у камина, проверил пальцем, нет ли пыли на книжных полках, и развернул рододендрон, чтобы его листья получше прикрывали наклеенную на окно бумагу. Потом он вышел подышать прохладным ночным воздухом, пытаясь разобрать звуки лодки, хотя и знал, что еще слишком рано.

В четыре тридцать Леон Превант встал и, зевая, побрел к лифту. Спустя двадцать минут приехал Джонатан Алкайтис. Как обычно, Уолтер услышал шум лодки задолго до того, как она возникла на горизонте. Мотор неистово ревел в ночной тишине, а на воде задрожал свет с кормы, когда лодка обогнула мыс. Ларри отправился на пристань с багажной тележкой. Винсент отложила в сторону газету, поправила прическу, накрасила губы и залпом выпила две чашечки эспрессо. Когда в дверях появился багаж Джонатана Алкайтиса, а вслед за ним и он сам, Уолтер профессионально принял самый радушный вид, на который только был способен.

Спустя годы Уолтер дал три или четыре интервью о Джонатане Алкайтисе, но журналисты всякий раз бывали разочарованы. Он был владельцем отеля и жил и умер так, как считал нужным, говорил Уолтер, но на самом деле рассказывать было особенно нечего. Личность Алкайтиса представляла интерес только в ретроспективе. Он приехал в отель «Кайетт» вместе с женой, ныне покойной. Они влюбились в это место, и когда здание выставили на продажу, он купил его и сдал в аренду компании, управлявшей отелем. Он жил в Нью-Йорке и приезжал в

«Кайетт» три-четыре раза в год. Он держался с неизменной уверенностью богатого человека, беспечно полагающего, что любые неприятности обойдут его стороной. Обычно Алкайтис был хорошо одет и, судя по загару, проводил зиму на тропических курортах, выглядел в меру подтянутым и, в целом, ничем особенным не выделялся. Иными словами, ничто не наводило на мысль о том, что он может закончить свои дни в тюрьме.

Как и всегда, для него были забронированы лучшие апартаменты. Он признался Уолтеру, что страшно проголодался, и вдобавок страдал из-за смены часовых поясов. Нельзя ли уже сейчас приготовить завтрак? (*Разумеется. Для Алкайтиса возможно все.*) За окном по-прежнему было темно, но в кухне день начинался еще до рассвета. Вот-вот должна была взяться за работу утренняя смена.

– Я посижу в баре, – сказал Алкайтис и спустя считанные минуты уже увлеченно беседовал с Винсент. Никогда еще она не казалась Уолтеру такой оживленной и обаятельной, хотя он и не мог расслышать, о чем они говорили.

3.

Леон Превант вышел из лобби в половину пятого утра, поднялся по лестнице в свой номер и забрался в постель, где уже спала жена. Мари не слышала его прихода и продолжала спать. Он пропустил несколько стаканчиков виски, надеясь побыстрее уснуть, но после случая с граффити в ночной тьме словно разверзлась пропасть, откуда хлынули все его страхи. Если бы в тот момент Мари на него надавила, он бы признался, что беспокоится из-за денег. *Беспокоится* – это еще мягко сказано. Леон был напуган.

Коллега рассказал ему, что отель «Кайетт» – невероятное место, и Леон забронировал умопомрачительно дорогой номер в качестве сюрприза жене на годовщину свадьбы. Коллега был прав, мгновенно пришел к выводу Леон. Здесь можно было заняться рыбалкой или каякингом, отправиться в поход в лес; в лобби играла живая музыка, еда была великолепной, вымощенная деревом тропа вела к лесной опушке с баром на открытом воздухе и светильниками на деревьях, а из бассейна с подогревом открывался вид на тихие воды пролива.

– Райский уголок, – сказала Мари в первую ночь после приезда.

– Не могу не согласиться.

Он раскошелился на комнату с джакузи на террасе, и они не меньше часа просидели в ванне, потягивая шампанское и ощущая прохладный бриз на лице, а солнце тем временем катилось к закату над водой, как на открытке. Леон поцеловал Мари и постарался расслабиться. Но сделать это было трудно, потому что спустя неделю после того, как он забронировал роскошные апартаменты и рассказал об этом жене, он узнал о предстоящем слиянии компаний.

Леон уже пережил два слияния и реорганизацию, но как только до него дошли слухи о том, что это произойдет снова, он уже знал наперед, предчувствовал неизбежное: он потеряет работу. Ему было пятьдесят восемь. Он занимал достаточно высокую должность и дорого обходился компании, а до пенсии ему оставалось совсем недолго, так что руководство могло с легкостью от него избавиться. Его обязанности мог выполнять любой из нижестоящих сотрудников с более низкой зарплатой. После известия о слиянии ему удавалось иной раз часами не вспоминать об этом, но ночью приходилось тяжелее. Они с Мари только что купили дом в Южной Флориде и планировали сдавать его, пока Леон не выйдет на пенсию, а потом сбежать от нью-йоркских зим и заодно налогов. Ему казалось, что жизнь только начинается, но дом обошелся дороже, чем они рассчитывали, он никогда не умел экономить и знал, что накопил на пенсионном счете куда меньше денег, чем следовало бы. Когда Леон погрузился в беспокойный сон, на часах было шесть тридцать утра.

4.

На следующий день, когда Уолтер вернулся в лобби, Леон Превант обедал в баре вместе с Джонатаном Алкайтисом. Они только что познакомились – тогда их встреча казалась случайностью, много лет спустя она стала выглядеть как ловушка. Леон сидел в баре и в одиночестве ел бургер с лососем: Мари осталась в номере, у нее болела голова. Алкайтис сидел рядом, пил «Гиннесс» и разговаривал с барменшей, а потом вовлек в беседу и Леона. Они обсуждали отель «Кайетт» – как выяснилось, Джонатан Алкайтис многое о нем знал.

– На самом деле я владеец этого здания, – сказал он Леону почти извиняющимся тоном. – Сюда сложно добираться, но мне это даже нравится.

– Мне кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, – ответил Леон. Он всегда был не прочь пообщаться с людьми, к тому же было таким облегчением подумать о чем-нибудь – о чем угодно! – кроме своей неплатежеспособности и потери работы.

– У вас есть другие отели?

– Только этот. В основном я занимаюсь финансами.

Алкайтис рассказал, что у него есть пара компаний в Нью-Йорке, которые инвестируют деньги вкладчиков в ценные бумаги. Он уже не искал новых клиентов, но по такому случаю решил сделать исключение.

Спустя годы потерпевшая из Филадельфии зачитывала вслух свои показания на вынесении приговора Алкайтису: «*Особенность Алкайтиса* была в том, что он делал вид, будто приглашает вас в тайный клуб». Отчасти она права, признал Леон, когда читал стенограмму заседания суда, но другой важной причиной была харизма Алкайтиса. Он умел очаровывать. Его теплый, обволакивающий голос был словно создан для ночных программ на радио. Он излучал спокойствие. Ни тени бахвальства или вспыльчивости; он был уверен в себе, но не заносчив, всегда улыбался в ответ на шутки. Сдержанный, скромный, интеллигентный человек, предпочитающий слушать других, а не себя самого. Хитрость заключалась в том – Леон сумел разгадать ее только годы спустя, – что Алкайтиса будто бы совершенно не заботило, что о нем думали окружающие. Это беспокоило его собеседников и заставляло их задаваться вопросом: *А что Алкайтис думает обо мне?* Позже Леон много раз прокручивал в голове тот вечер и вспоминал, как ему хотелось тогда произвести на него впечатление.

– Мне как-то неловко признаться, – сказал Алкайтис, когда они решили пересечь из бара в более тихий уголок лобби и обсудить инвестиции, – но вы сказали, что работаете в судоходстве, а я понял, что не имею о нем ни малейшего представления.

Леон улыбнулся.

– Не вы один. Почти никто не задумывается об этой отрасли, хотя практически все, что мы покупаем в магазинах, доехало до нас по воде.

– Мои наушники, сделанные в Китае, и еще куча всего.

– Да, само собой, это очевидный пример, но на самом деле практически все. Все, что мы носим, все вещи вокруг нас. Ваши носки. Наши ботинки. Мой гель после бритья. Стакан у меня в руке. Можно продолжать до бесконечности, но не буду вас утомлять.

– Стыдно признаться, но я об этом никогда не задумывался, – сказал Джонатан.

– Никто не задумывается. Вы идете в магазин, покупаете банан и не думаете о том, что какие-то люди доставили этот банан через Панамский канал. Да и зачем вам об этом думать? – *Ну все, уймись*, мысленно сказал себе Леон. Он знал, что за ним водится слабость многословно восхвалять свою профессиональную сферу. – Некоторых моих коллег обижает, что большинство людей не осознают важность того, что мы делаем. Но мне кажется, как раз то, что эта индустрия незаметна, подтверждает ее эффективность.

– Банан прибывает точно по расписанию. – Джонатан отхлебнул из своего стакана. – У вас уже, наверное, сформировалось шестое чувство. Вот вы сидите в окружении вещей, которые привезли сюда на судах. Вас никогда не преследовали мысли о судоходных маршрутах, по которым все это доставляли, о том, откуда прибыли эти вещи?

– Вы второй человек за всю мою жизнь, которому это пришло в голову, – откликнулся Леон.

Первым таким человеком была ясновидящая, подруга Мари по колледжу. Она приехала в Торонто из Санта-Фе, когда Леон жил в Торонто, и они поужинали вдвоем в любимом ресторане Мари Saint Tropez. Ясновидящая – насколько помнил Леон, ее звали Кларисса – была открытой и дружелюбной и сразу же ему понравилась. У Леона сложилось впечатление, что экстрасенсов постоянно используют друзья и случайные знакомые. Воспоминания Мари о том, как она обращалась к Клариссе за бесплатными консультациями, это впечатление лишь укрепили, и за ужином он воздерживался от подобных вопросов, но под конец, когда подали десерт, любопытство взяло верх. Он спросил, не оглушают ли ее голоса, как в комнате, набитой людьми? Не чувствует ли она себя окруженной кучей радиоприемников с перекрикивающими друг друга частотами, хаосом из голосов, передающих скучные, а порой и ужасающие подробности своей жизни? Кларисса улыбнулась. «Это примерно как здесь, – ответила она, указав на зал, в котором они сидели. – Как сидеть в переполненном ресторане. Можно прислушаться к беседе за соседним столиком, а можно абстрагироваться, и она станет просто фоном. Примерно так же и вы воспринимаете судоходство», – сказала она. Разговор с ней доставил Леону редкое удовольствие: прежде он не мог ни с кем обсудить, как он «включается» и «выключается» из судоходства, так же как переключают каналы на радио. Скажем, взглянув на Мари, он мог увидеть любимую женщину, или настроиться на другую волну и увидеть платье, сшитое в Великобритании, туфли, сделанные в Китае, итальянскую сумку из кожи, или переключиться на уровень выше и увидеть подсвеченные на карте судоходные маршруты компании Neptune-Avramidis: платье прибыло по западному трансатлантическому маршруту № 3, туфли – по восточному транстихоокеанскому маршруту № 7 или «Восточному экспрессу» из Шанхая в Лос-Анджелес и так далее. Можно было пойти еще дальше и переключиться на образ мыслей, которым он не мог поделиться ни с кем, даже с Мари: в море постоянно находятся десятки тысяч кораблей, каждый из них – светящаяся точка, а вместе они сливаются в ослепительные потоки, бегущие по ночному океану, через узкий Суэцкий канал и Панамский канал, через Гибралтарский пролив, мимо континентов и вдоль других океанов, – бесконечное движение судов было движущей силой во всех странах, и он очень любил этот потаенный мир.

Спустя какое-то время, когда Уолтер проходил мимо Леона Преванта и Джонатана Алкайтиса, они обсуждали уже не работу Леона, а дела Алкайтиса; судоходство сменилось темой инвестиционных стратегий. Уолтер в них ничего не смыслил. К финансам он не имел никакого отношения. Для него они были другим миром. Кто-то на утренней смене закрыл граффити на стекле светоотражающей пленкой, и зеркальная полоса странно выделялась на темнеющем окне. В баре обедали двое американских актеров.

– Он бросил ради нее свою первую жену, – кивнул в их сторону Ларри.

– Да ну? – отозвался Уолтер, хотя ему было на них совершенно наплевать. За двадцать лет работы в элитных отелях он утратил всякий интерес к жизни знаменитостей.

– Хочу кое-что у тебя спросить, – сказал он, – только по секрету: тебе не кажется слегка странноватым новый парень?

Ларри театрально повернул голову и обвел взглядом лобби, но Пола там не было: он мыл пол в коридоре за стойкой регистрации, в глубине отеля.

– Ну, может быть, он немного депрессивный, – ответил Ларри. – Не самая яркая личность из тех, что мне встречались.

– Он у тебя не спрашивал вчера ночью, кто приезжает в отель?

– Откуда ты знаешь? Да, как раз спрашивал, когда приедет Джонатан Алкайтис.

– И ты ему сказал?..

– Ну, ты знаешь, со зрением у меня не очень, и я только что вышел на смену. Я сказал, что точно не уверен, но вроде бы тот мужчина, который сидит в лобби и пьет виски, и есть Алкайтис. Только потом понял, что ошибся. А что? – Ларри, казалось, умел держать язык за зубами, но все-таки персонал жил в одном здании посреди леса, и сплетнями здесь обменивались, как валютой на черном рынке.

– Неважно.

– Так в чем дело?

– Позже расскажу.

Уолтер пошел обратно к стойке регистрации, все еще не понимая смысл и цель граффити, но уже не сомневался, что надпись оставил Пол. Он осмотрел лобби, убедился, что никому не нужна помощь, и проскользнул в служебную дверь позади стойки регистрации. Пол мыл темное окно в дальнем конце комнаты.

– Пол.

Ночной уборщик замер, и Уолтер понял по его выражению лица, что был прав в своих подозрениях. Пол выглядел так, словно его поймали с поличным.

– Где ты взял кислотный маркер? – спросил Уолтер. – Купил в обычном магазине с хозяйскими или сам сделал?

– Ты о чем? – Пол совершенно не умел врать. Его голос прозвучал на пол-октавы выше обычного.

– Зачем ты хотел, чтобы Джонатан Алкайтис увидел эту отвратительную надпись?

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Мне безразлично это место, – продолжил Уолтер. – И когда я вижу в нем нечто настолько безобразное...

Именно это *нечто* встревожило Уолтера сильнее всего: невыразимая мерзость послания на стекле; но он не знал, как объяснить Полу, не вдаваясь в подробности своей личной жизни, а мысль о том, чтобы поделиться с этим безвольным придурком хоть чем-то личным, была ему нестерпима. Он не смог закончить фразу. Уолтер откашлялся.

– У меня к тебе есть предложение, – сказал он. – Собирай свои вещи и уезжай на первой же лодке, и тогда мы обойдемся без полиции.

– Извини. – Пол перешел на шепот. – Я просто...

– Ты просто решил испортить окно отеля самой гнусной, самой дикой... – Уолтера бросило в пот. – Для чего ты вообще это сделал?

Но Пол выглядел как мальчишка на месте преступления, придумывающий оправдания, а Уолтеру в ту ночь больше не хотелось слушать вранье.

– Слушай, просто проваливай отсюда, – сказал он Полу. – Мне неинтересно, зачем ты это сделал. Я больше не хочу на тебя смотреть. Убирай моющие средства, иди к себе в комнату, пакуй вещи и скажи Мелиссе, что хочешь срочно съездить в Грейс-Харбор. Если не уедешь к девяти утра, я пойду к Рафаэлю.

– Ты не понимаешь, – сказал Пол. – У меня куча долгов...

– Если бы ты дорожил работой, – возразил Уолтер, – наверное, не стал бы портить окна.

– Стекло ведь даже нельзя проглотить.

– Что?

– В смысле, это же физически невозможно.

– Ты серьезно? По-твоему, это может быть оправданием?

Пол покраснел и отвел глаза.

– А о сестре ты подумал? – спросил Уолтер. – Она ведь тебя порекомендовала?

– Винсент здесь ни при чем.

– Так ты собираешься идти? Я сегодня в благодушном настроении и не хочу тревожить твою сестру, поэтому даю тебе возможность выйти сухим из воды, но если хочешь иметь дело с полицией...

– Нет, я пойду. – Пол посмотрел на чистящие средства так, словно не понимал, как они оказались у него в руках. – Извини.

– Собирай вещи, пока я не передумал.

– Спасибо, – сказал Пол.

5.

До чего же все-таки жутко. *Почему бы тебе не поесть битого стекла. Умри. Сделай несчастными всех близких.* Он снова вспомнил о своем друге по имени Роб, который навсегда остался шестнадцатилетним, вспомнил лицо его матери на похоронах. Уолтер в полузабытьи досидел до конца смены, а потом дождался утра, чтобы поговорить с Рафаэлем. В восемь он уже должен был лежать в постели и теперь смертельно хотел спать. Проходя по лобби, он увидел, что Пол стоит на краю пристани и складывает в лодку свои рюкзаки.

– Доброе утро, – сказал Рафаэль, когда Уолтер заглянул к нему в кабинет. Он был свежевыбрит и полон сил. Оба они жили в одном и том же здании, но существовали в разных часовых поясах.

– Я только что видел, как Пол отчалил на лодке вместе со своими пожитками, – сообщил Уолтер.

Рафаэль вздохнул.

– Не знаю, что стряслось. Утром он заявился и рассказал что-то бессвязное о том, как соскучился по Ванкуверу, хотя три месяца назад паренек слезно меня уговаривал взять его, потому что ему жизненно необходимо переехать и сменить окружение.

– Он не объяснил, в чем дело?

– Нет. Снова будем искать кандидата. Что-то еще? – спросил Рафаэль, и Уолтер, от усталости потерявший защитный панцирь, впервые осознал, что Рафаэль не питает к нему особой симпатии. Это открытие отозвалось в нем тихим болезненным уколом.

– Нет, – ответил он, – спасибо. Не буду мешать.

По пути на служебный этаж он вдруг пожалел, что был так суров с Полом. Теперь он стал сомневаться, верно ли понял его слова: когда Пол сказал про долги, он имел в виду, что ему нужна работа в отеле или что ему заплатили за то, чтобы он оставил эту надпись на стекле? Оба варианта казались бессмыслицей. Очевидно, надпись предназначалась для Алкайтиса, но что могло быть нужно Полу от Алкайтиса?

Леон Превант с женой уехали тем же утром, Джонатан Алкайтис – два дня спустя. В день отъезда Алкайтиса, когда Уолтер вышел на свою смену, в баре работал Халиль, хотя у него должен был быть выходной: Винсент неожиданно взяла отпуск, объяснил он. На следующий день она позвонила Рафаэлю из Ванкувера и сообщила, что решила уйти из отеля, поэтому горничные сложили ее вещи и убрали их в кладовку.

Стеклянную панель заменили на новую по баснословной цене, и о граффити постепенно стали забывать. На смену весне пришло лето, а с ним и суета и блеск высокого сезона: лобби каждый вечер было набито до отказа, темпераментный джазовый квартет получал разнос на служебном этаже, когда его игра недостаточно восхищала гостей, а попеременно с квартетом играл пианист, на чье пристрастие к марихуане закрывали глаза, потому что он, казалось, мог исполнить любую существующую в мире мелодию. Все места в отеле были выкуплены, персонала стало почти вдвое больше; лодка под управлением Мелиссы курсировала до Грейс-Харбор и обратно с утра до позднего вечера.

Вслед за летом наступила осень, потом начались тихие и темные зимние вечера и затяжные дожди, отель наполовину опустел, и после ухода сезонных работников в служебных помещениях воцарилась тишина. Уолтер спал днем и выходил на смену по вечерам; ему нравились долгие ночи в пустынном лобби, когда Ларри стоял у дверей, в баре был Халиль, а за стеной бушевал шторм. Иногда он садился пообедать с коллегами, в то время как на утренней смене шли завтракать, пропускал пару стаканчиков с персоналом на кухне, слушал джаз у себя в комнате, выходил из «Кайетт» на прогулку и заказывал по почте книги, которые читал после пробуждения ближе к вечеру.

Однажды ненастной весенней ночью приехала Элла Касперски. У нее был свой бизнес в Чикаго, и она часто останавливалась в отеле, чтобы, по ее словам, сбежать «от всего этого шума». Примечательна она была тем, что Джонатан Алкайтис категорически не хотел ее видеть. Уолтер понятия не имел, почему Алкайтис избегал Касперски, и даже не хотел знать, но когда она приехала, по обыкновению проверил список бронирований – убедиться, что Алкайтис не оставил заявку в последний момент. Он заметил, что Алкайтис уже долго не был в отеле – дольше, чем обычно. Когда в два часа ночи в лобби все стихло, Уолтер набрал в поисковике имя Алкайтиса и нашел фотографии с недавнего благотворительного вечера. Алкайтис был в смокинге, весь сиял и держал под руку молодую женщину. Ее лицо показалось ему очень знакомым.

Уолтер увеличил снимок. Это была Винсент. Более гламурная ее версия, с дорогой стрижкой и профессиональным макияжем, но, без всяких сомнений, это она. На ней было серебристое платье, которое на вид стоило столько же, сколько Винсент зарабатывала в баре за целый месяц. Подпись под фото: *«Джонатан Алкайтис со своей женой Винсент»*.

Уолтер оторвался от экрана и окинул взглядом затихшее лобби. Прошел год с тех пор, как уехала Винсент, и за это время в его жизни ничего не изменилось, но он и сам не хотел никаких перемен. Халиль теперь работал по ночам на полную ставку и сейчас болтал с только что приехавшей парой. Ларри стоял у двери с полужакрытыми глазами, заложив руки за спину. Уолтер покинул свой пост и вышел подышать ночным апрельским воздухом. Он надеялся, что Винсент была счастлива в другой стране, где вела новый и необычный образ жизни. Он пытался вообразить, каково жить с Алкайтисом: куча денег, особняки, личный самолет – все это с трудом укладывалось у него в голове. Ночь была ясной и холодной, луны не было видно, зато ослепительно сияли звезды. В предыдущей жизни в Торонто Уолтер и представить не мог, что полюбит место, где звезды светят так ярко, что даже в безлунную ночь можно увидеть свою тень. Теперь у него было все, чего он только мог пожелать.

Но по пути в отель в голове вспыхнуло воспоминание о словах, написанных на окне год назад: *«Не хочешь поестъ битого стекла?»* и наполненная тревогой тайна, стоявшая за ними. Лес превратился в массу неразличимых теней. Он сжался от холода и пошел обратно, к теплу и свету лобби.

IV Сказка 2005–2008

Полет лебедя

Порядок – залог душевного здоровья. В течение месяца после того, как Винсент ушла из отеля «Кайетт» и поселилась в невообразимо огромном доме Джонатана Алкайтиса в пригороде Коннектикута, у нее появился четкий распорядок дня, от которого она редко отступала. Она вставала в пять утра, на полчаса раньше Джонатана, и шла на пробежку. Когда она возвращалась в дом, он уже был на пути к Манхэттену. Она принимала душ и одевалась к восьми, и водитель Джонатана отвозил ее на вокзал – он не раз предлагал ей доехать с ним до города, но Винсент поезда нравились больше, чем дорожные пробки. На Центральном вокзале она любила не торопясь пройти по главному вестибюлю, разглядывая созвездия на бирюзовом потолке, часы Тиффани над справочной и потоки людей. Она всегда завтракала в дайнере рядом с вокзалом, потом прогуливалась до любимого кафе в нижнем Манхэттене на юге города, пила эспрессо и читала газеты, затем делала покупки, или заходила в парикмахерскую, или прохаживалась по улицам с видеокамерой – а иногда все сразу; если оставалось время, шла в Метрополитен-музей, оттуда возвращалась на вокзал и садилась на поезд в северном направлении, чтобы успеть нарядиться к шести вечера – самое раннее, когда Джонатан мог вернуться домой с работы.

Она проводила вечер с Джонатаном, но перед сном у нее всегда оставалось полчаса, чтобы искупаться в бассейне. Казалось, вместе с миром больших денег открывается бездна свободного времени, и Винсент смутно боялась отдаться на волю его течению, отступить хоть на день от своего четкого плана.

– Многие убить готовы, лишь бы жить на Манхэттене, – ответил Джонатан, когда она спросила, почему бы им не переехать в его квартиру на площади Коламбус-Серкл, где они останавливались, когда шли в театр, – но я предпочитаю держаться от него чуть в стороне. – Он вырос в пригороде и с детства любил простор и спокойствие.

– Я понимаю, – отозвалась Винсент, но саму ее влекло к большому городу, к чему-то совершенно непохожему на буйную природу из ее детских воспоминаний. Ее манили строгие геометрические формы, острые углы, небо, зажатое между небоскребами, резкий свет.

– Тебе бы все равно не понравилось жить на Манхэттене, – сказал Джонатан. – Подумай, как бы тебе там не хватало бассейна.

Будет ли ей не хватать бассейна? Винсент размышляла над этим вопросом, пока плавала. У нее были двойственные чувства к бассейну. Винсент плавала в нем каждую ночь, чтобы укрепить силу воли, потому что отчаянно боялась утонуть.

Она всегда плавала по ночам: летом Винсент окружали пятна света, который отбрасывал на воду дом, а когда становилось холодно, бассейн подогревался, и она окуналась в облако пара. Она испытывала себя на прочность и оставалась под водой как можно дольше. Поднимаясь на поверхность, она любила воображать, что кольцо на ее пальце было настоящим и что ей принадлежало все вокруг: дом, сад, газон, бассейн, в котором она плескалась. Бассейн был из тех, у которых замаскирован край, поэтому возникала тревожная иллюзия, будто вода

растворяется в лужайке – или лужайка растворяется в воде. Она ненавидела смотреть на эту смазанную границу.

Толпы

Между ней и Джонатаном действовала негласная договоренность: она была рядом в любой момент, когда бы он ни пожелал, в спальне или за ее пределами, и выглядела безупречно элегантно. «Ты настоящее украшение дома», – говорил он, а она в обмен пользовалась его кредитной картой, даже не заглядывая в счета, жила в мире красивых домов и путешествий, словом, в мире, который был противоположностью ее прежней жизни. Никто не произносил вслух выражение «*трофейная жена*», но Джонатан был на тридцать четыре года старше Винсент. Она понимала, в чем заключается ее роль.

К переменам нужно было привыкнуть. Поначалу жизнь в доме Джонатана Алкайтиса напоминала сон, где находишь на кухне тайную дверь, ведущую в коридор, затем в комнату гувернантки, которую никогда не замечал, за ней впервые видишь детскую, а в конце коридора – огромную спальню, больше, чем весь твой дом, и внезапно обнаруживаешь, что из спальни можно попасть на кухню коротким путем, минуя обе гостиные и коридор вниз.

Во времена работы в отеле Винсент казалось, что вместе с деньгами появляется и уединение – у самых богатых гостей всегда было больше личного пространства: апартаменты вместо комнат, личные террасы, выход в отдельный конференц-зал; но в действительности чем больше было денег, тем больше становилось людей вокруг, люди окружали их дом круглосуточно, поэтому Винсент купалась в бассейне только по ночам. Днем вокруг нее сновал управляющий Джил, он жил вместе с женой Аней в коттедже рядом с подъездной дорожкой; Аня работала поваром и следила за тремя девушками из местных, которые убрали дом, стирали одежду, закупали продукты и прочее; еще был водитель, живший в квартире над гаражом, и молчаливый садовник, отвечавший за обстановку вокруг дома. Рядом с Винсент всегда были другие – подметали полы, протирали пыль, говорили по телефону с водопроводчиком или подстригали кусты. Ей приходилось мириться с присутствием кучи людей, но по ночам все работники расходились по своим личным делам, и Винсент могла поплавать в тишине, будучи уверенной в том, что за ней не наблюдают из каждого окна.

«Я рад, что вам так понравился бассейн, – сказал Джил. – Дизайнер столько времени на него потратил, и до вас в нем никто не плавал, честное слово».

Винсент впервые встретила дочь Джонатана Клэр, когда плавала в бассейне. Стоял прохладный апрельский вечер, от воды шел пар. Она знала, что в этот день приезжает Клэр, но не ожидала вынырнуть и увидеть у бассейна женщину в костюме: она стояла абсолютно неподвижно, заведя руки за спину, и пристально смотрела на Винсент сквозь пар, как чертово привидение. Винсент громко выдохнула – без особой радости от встречи, осознала она позже. Очевидно, Клэр только что приехала из офиса. Она выглядела как строгая бизнес-леди лет тридцати.

– Вы, наверное, Винсент. – Она взяла полотенце, брошенное на шезлонге, протянула его, словно говоря «вылезай-из-бассейна», и Винсент поняла, что выбора у нее, кроме как подняться по ступенькам и взять полотенце, нет. Это вызвало у нее раздражение, потому что ей хотелось поплавать подольше.

– А вы, судя по всему, Клэр.

Клэр не удостоила ее ответом. На Винсент был вполне благопристойный цельный купальник, но она почувствовала себя голой, когда начала вытираться.

– Винсент – странное имя для девочки, – сказала Клэр с ударением на слове «*девочки*», и Винсент это неожиданно показалось неуместным. «*Я не настолько юна*», – хотелось ей сказать,

потому что в свои двадцать четыре она вовсе не ощущала себя юной, но Клэр могла быть опасна, а Винсент надеялась на мирные отношения, поэтому ответила как можно мягче:

– Родители назвали меня в честь поэтессы. Эдны Сент-Винсент Миллей.

Клэр скользнула взглядом по кольцу на руке Винсент.

– Что ж, – сказала она, – родителей не выбирают. А чем они занимаются?

– Мои родители?

– Да.

– Они умерли.

Лицо Клэр немного смягчилось.

– Сочувствую.

Они еще несколько секунд стояли и смотрели друг на друга, потом Винсент потянулась за купальным халатом на кресле. Клэр сказала, уже скорее смиренным, чем раздраженным тоном:

– Ты знаешь, что ты на пять лет моложе меня?

– Свой возраст мы тоже не выбираем, – ответила Винсент.

– Ха. (Клэр не усмехнулась – просто произнесла слово «ха».) Ну, мы ведь взрослые люди. Я просто хочу сказать, что считаю все это абсурдом, но не вижу причин портить отношения. – Она повернулась и пошла обратно в дом.

Призраки

Мать Винсент увлекалась поэзией и когда-то сама писала стихи. В 1912 году, когда Эдне Сент-Винсент Миллей было девятнадцать, она начала сочинять поэму под названием «Возрождение» – Винсент тысячу раз читала ее в детстве и юности. Миллей написала эту поэму для участия в конкурсе. Приза она не получила, но поэма стала толчком к переменам – она помогла ей вырваться из унылой и нищей жизни в Новой Англии в Вассар-колледж и перенестись прямиком в круг богемы, о котором она всегда мечтала: нищета здесь была другого сорта, в квартале Гринвич-Виллидж⁴ хоть и жили бедно, но по ночам читали стихи и водили дружбу с дерзкими и талантливыми художниками.

– Суть в том, что она сама создала для себя новую жизнь, чистым усилием воли, – говорила мать Винсент, и даже тогда, в одиннадцать лет, она задумывалась, что же означают эти слова. Была ли ее мать счастлива, выбрав ту жизнь, какой жила? Она мечтала писать стихи посреди дикой природы, а в итоге погрузилась в утомительные повседневные заботы, вела хозяйство и воспитывала ребенка в глуши. За *идеей* жизни на природе скрывается будничный труд: нескончаемые хлопоты с заготовкой дров; нужно ходить за продуктами на немислимо большие расстояния, ухаживать за огородом и поправлять изгороди, чтобы олени не съели все овощи, чинить генератор, не забывать запастись газом, компостировать отходы; летом заканчивается вода; денег вечно не хватает, потому что в лесу не так-то просто найти работу; тем временем твой единственный ребенок не разделяет любви к природе и каждую неделю яростно негодует, отчего нельзя жить в нормальном месте, и прочее.

Но мать Винсент едва ли могла бы себе представить жизнь-*делку*, – в которой Винсент носит обручальное кольцо, не будучи замужем. «Я хочу быть с тобой, – сказал Джонатан в самом начале, – но просто не хочу еще раз жениться». Его жена Сюзанна умерла всего три года назад. Они никогда не упоминали ее имя. Несмотря на то что он не хотел жениться на Винсент, ему все же казалось, что обручальные кольца создают иллюзию стабильности. «Моя работа – распоряжаться чужими деньгами, – говорил он, – и стабильность в этом деле – самое

⁴ Район Нью-Йорка, ставший в 1960-х центром контркультурного движения и пристанищем для богемы и радикальных политических деятелей. Среди них наиболее известны драматург Юджин О'Нил, танцовщица Айседора Дункан и поэтесса Эдна Сент-Винсент Миллей.

главное. Будет лучше, если я представлю тебя клиентам за деловым обедом как свою молодую красивую жену, а не молодую красивую подружку».

– А Клэр знает, что мы не женаты? – спросила Винсент в тот вечер, когда они с ней встретились у бассейна. Когда Винсент вернулась в дом и приняла душ, Клэр уже не было. Джонатан сидел один в гостиной в южной части дома с бокалом красного вина и газетой *Financial Times*.

– Об этом знают всего два человека в мире, – ответил он. – Ты и я. Иди сюда.

Винсент встала перед ним в свете лампы. Он пробежал пальцами по ее руке, повернул к себе спиной и стал медленно расстегивать платье.

Кто станет врать собственной дочери о том, что женат? В этой сказке были стороны, о которых Винсент старалась не думать слишком много, и позже ее воспоминания об этих годах стали размытыми, не похожими на реальность, – будто бы она на время забыла саму себя.

Соучастники

Они пили коктейли в баре в Мидтаун вместе с парой из Колорадо, вложившей миллионы в фонд Джонатана, Марком и Луизой. Винсент провела в царстве денег всего три недели и пока еще не свыклась со своей странной новой жизнью.

– Это Винсент, – представил ее Джонатан, положив руку чуть ниже ее талии.

– Приятно познакомиться, – сказала Винсент. Марку и Луизе было лет по сорок-пятьдесят, и спустя еще пару месяцев жизни с Алкайтисом она отнесла их к подвиду типичных богачей с Запада – таких же состоятельных, как и прочие подвиды, только их лица раньше старели и выглядели обветренными из-за пристрастия к горным лыжам.

– Рады познакомиться, – сказали они, и пока все пожимали друг другу руки, взгляд Луизы упал на кольца Винсент и Джонатана. – О господи, Джонатан, – воскликнула она, – так тебя можно поздравить?

– Спасибо, – ответил он как счастливый и смущенный новобрачный, и его тон был столь убедителен, что на секунду в голове Винсент промелькнула нелепая мысль, будто они и вправду женаты.

– Что ж, поздравляю, – сказал Марк и поднял бокал. – Поздравляю вас обоих. Чудесная новость, просто чудесная.

– Можно поинтересоваться? – спросила Луиза. – Свадьба была пышная или только для своих?..

– Если бы мы затеяли большую свадьбу, – сказал Джонатан, – вы были бы первыми в списке гостей.

– Можете представить, что мы устроили свадьбу в мэрии? – добавила Винсент.

– Боже, – произнес Марк, а Луиза сказала: – Мне нравится ваш подход. Донна скоро выходит замуж – наша дочь, – и это кошмар, столько суеты с организацией, логистикой, столько переживаний и *головной боли*, меня так и тянет посоветовать им взять пример с вас и просто тайно пожениться.

– Есть свой смысл в том, чтобы пожениться тайно, – ответил Джонатан. Свадьба – это сложное предприятие. Нам не хотелось никакой шумихи.

– Пришлось уговорить его, чтобы он взял выходной, – вмешалась Винсент. – А то сначала он предлагал пожениться во время перерыва на обед.

Все засмеялись, и Джонатан обнял ее. Винсент чувствовала, что ему нравится ее импровизация.

– У вас был медовый месяц? – спросил Марк.

– На следующей неделе мы поедem в Ниццу, а потом в Дубай на выходные, – ответил Джонатан.

- Да, – сказал Марк, – помню, ты говорил, что тебе там нравится. Винсент, а ты уже была?
– В Дубае? Нет, еще ни разу. Жду с нетерпением.

И так далее и тому подобное. Ей не хотелось врать, но она ясно осознавала свое положение. Работа в баре научила ее притворяться. Ложь давалась ей на удивление легко, и это даже беспокоило. В ту ночь, когда Джонатан подошел к бару в отеле «Кайетт», кто-то оставил на окне ужасную надпись, а Винсент тем временем натирала бокалы, считала минуты до конца смены и задавалась вопросом, как ей вообще пришло в голову сюда переехать. Она пыталась представить свою дальнейшую жизнь и не видела для себя никакого будущего: можно было, конечно, уйти из этого отеля и устроиться в другой, а потом в еще один, и еще один, и так до бесконечности, но увольнение из «Кайетт» не изменило бы сути вещей. Беда Винсент тянулась из года в год: она знала, что отнюдь не глупа, но можно быть умным и не знать, чем заняться в жизни, равно как можно понимать важность университетского диплома, но не желать взваливать на себя непомерную ношу в виде кредита за обучение; к тому же среди коллег Винсент в баре были люди с высшим образованием, поэтому очевидно, что диплом не всегда спасает. Одни и те же мысли преследовали ее по кругу, и ее затошнило и от них, и от себя самой, когда к барной стойке подошел Джонатан. В том, как он с ней разговаривал, в его богатстве, бросавшемся в глаза, и не менее очевидной заинтересованности в ней, она увидела путь к гораздо более легкой жизни или, во всяком случае, *другой* жизни; шанс пожить в другой стране, заняться чем-то другим, помимо работы в баре, и в другом месте, – перед такой перспективой было трудно устоять.

Необходимость лгать, что они женаты, омрачала ее мысли, но все же не настолько, чтобы ей захотелось сбежать. *«Да, я плачу за эту жизнь, – говорила она себе, – но цена за нее вполне разумна».*

Вариации

Джонатан не рассказывал о Сюзанне, своей настоящей жене, но прошлое всегда маячило где-то рядом. Иногда он был в настроении послушать истории Винсент из ее прошлой жизни. Она осторожно делилась своими воспоминаниями.

– Однажды, когда мне было тринадцать, – сказала она, лежа в постели воскресным утром, – я покрасила волосы в синий, и меня исключили из школы за то, что я оставила граффити на окне.

– Ну ты даешь. И что ты написала?

– Последние слова одного философа – как тебе такое? Я наткнулась на эту фразу в какой-то книге, и мне она очень понравилась.

– Похоже, ты была развита не по годам, но звучит довольно мрачно, – откликнулся он. – Я боюсь даже спрашивать.

– *Смети меня.* В ней есть какая-то прелесть, правда?

– Ну, может быть, для впечатлительной тринадцатилетней девочки, – ответил он, и она запустила в него подушкой.

Она не стала говорить, что за две недели до этого умерла ее мать и что за ней исподтишка следил брат и видел, как она оставила эту надпись, да и не упомянула, что у нее вообще есть брат. В любой истории всегда можно опустить массу подробностей.

В этой фразе нет ничего *мрачного*, подумала она на следующее утро в поезде по пути в город. Дело было совсем в другом. Она никогда не была уверена, чего хочет от жизни, у нее не было вектора, но она знала одно: ей хочется, чтобы ее смели с ног, выделили из толпы, и когда это случилось – когда Джонатан протянул ей руку и она ее приняла, когда она всего спустя неделю сменила пораженные плесенью комнаты для работников в отеле «Кайетт» на огромный

дом в чужой стране, – на удивление, она ощутила растерянность, и ее удивляло собственное удивление. Она сошла с поезда на Центральном вокзале и растворилась в потоке людей на Лексингтон-авеню. *Как я оказалась на этой незнакомой планете, так далеко от дома?* Но странным и чуждым этот мир казался не только и даже не столько из-за перемены места – дело было в деньгах. Она дошла до Пятой авеню и бесцельно бродила, пока ее внимание не привлекла пара желтых перчаток из тончайшей кожи в витрине. Все вещи в этом магазине были прекрасны, но от желтых перчаток исходило особое сияние. Она примерила их и купила, не глядя на ценник, потому что кредитная карта в мире денег была волшебной, неосязаемой сущностью.

Она вышла из бутика с перчатками в сумочке, и ее мысли начали блуждать. В то время ее жизнь была настолько иллюзорной, что она часто начинала представлять другие версии реальности, другие цепочки событий: например, в альтернативной версии своей жизни она могла уволиться из «Кайетт» до приезда Джонатана и вернуться на прежнее место в отеле «Ванкувер», или он мог заказать завтрак себе в номер, вместо того чтобы сесть в баре, или же заказать завтрак в баре, но остаться равнодушным к Винсент; в иной реальности она по-прежнему жила на служебном этаже отеля «Кайетт» и год за годом ночи напролет проводила, подавая напитки богатым туристам. Ни один из этих сценариев не казался менее реалистичным, чем ее нынешняя жизнь, и порой ее охватывала острая тревога: возможно, где-то существуют другие версии ее жизни, другие Винсент в других обстоятельствах.

Она постоянно читала газеты, так как остро чувствовала нехватку образования и хотела быть эрудированным человеком, осведомленным, но в мире денег за чтением какой-нибудь новости она все чаще начинала размышлять на отвлеченные темы: какой была бы альтернативная реальность, скажем, без войны в Ираке; что случилось бы, если бы жуткую эпидемию свиного гриппа в Грузии не удалось остановить; она представляла, как вспышка гриппа в Грузии охватывает весь мир и приводит к краху цивилизации. В параллельной реальности Северная Корея не стала бы запускать ракеты, в Лондоне не взорвались бы бомбы, а у премьер-министра Израиля не случился бы инсульт. Можно было углубиться и дальше в историю: в другой версии Корейский полуостров не был разделен, Советский Союз не вторгнулся в Афганистан, «Аль-Каида» не существовала, а Ариэль Шарон умер в молодости в бою. Она продолжала эту забаву, пока не начинала кружиться голова, и тогда, наконец, усилием воли останавливала себя.

Экран

Одной из первых покупок Винсент была дорогая видеокамера Canon HV10. Она начала снимать видео в тринадцать, через несколько дней после того, как пропала мать и бабушка Каролина приехала из Виктории ее поддержать. В первую ночь после приезда, когда Винсент сидела за столом после обеда, пила чай – эту привычку она переняла от матери – и неотрывно смотрела на холм у воды, ожидая, что мать вот-вот поднимется по лестнице к дому, бабушка положила на стол коробку.

– Я кое-что привезла для тебя, – сказала она.

Винсент открыла ее и увидела видеокамеру Panasonic. Она знала, что это новая модель формата DV, но на ощупь камера была неожиданно тяжелой. Что ей делать с этой камерой?

– В молодости, когда мне было 21 или 22, – начала свой рассказ Каролина, – у меня был тяжелый период.

– Почему тяжелый период? – Винсент впервые за много часов или даже весь день что-то сказала вслух. Слова застряли у нее в горле.

– Неважно. Подруга-фотограф отдала мне камеру, которая стала ей не нужна. И она мне сказала: «Просто фотографируй что-нибудь каждый день, может, тебе станет лучше». Мне, если честно, показалось, что это дурацкая идея, но я попробовала, и мне правда стало лучше.

– Вряд ли... – начала Винсент и осеклась. *Вряд ли камера поможет мне вернуть маму.*

– Мне кажется, – осторожно продолжила Каролина, – линза камеры может быть защитным экраном между тобой и миром, когда жизнь в этом мире кажется немного невыносимой. Если тяжело смотреть на мир напрямую, может быть, легче увидеть его через объектив. Твой брат бы меня высмеял, если бы я ему сказала что-то подобное, но ты подумай.

Винсент молча размышляла над ее словами.

– Сначала я хотела тебе купить фотоаппарат с 35-миллиметровой пленкой, – со смущенным смешком сказала Каролина, – но потом подумала: на дворе 1994 год, дети, наверное, уже и не фотографируют. Все же сейчас видео снимают?

Винсент быстро нашла для себя подходящую форму видеозаписей. Она снимала фрагменты ровно по пять минут, маленькие зарисовки: сначала пятиминутное видео с пляжем и небом у пристани в Кайетт, потом пятиминутные записи тихой улицы, на которой она жила у тети в бесконечных пригородах Ванкувера; пять минут из окна поезда метро SkyTrain по пути в центр города, пять минут манящего, но жуткого района, в котором она жила с Мелиссой в 17 лет, – однажды наркоман на улице захотел отобрать у нее камеру и пришлось броситься наутек; затем снятые в том же году пятиминутные видео в моечной зоне отеля «Ванкувер»: камера в пакете на полке была поставлена на таймер и запечатлела, как Винсент споласкивала тарелки горячей водой и ставила их в посудомоечную машину. Затем пятиминутные нарезки из «Кайетт», а после встречи с Джонатаном – пять минут бесконечного бассейна в Гринвиче: она снимала, как он незаметно перетекает в газон именно потому, что ненавидела смотреть на место, где стиралась граница, и хотела испытать себя; пять минут из окна личного самолета Джонатана во время первого полета над Атлантикой: далеко внизу в стальной серой воде виднелись редкие корабли, а суша пропала из виду.

– Что ты делаешь? – донесся до нее голос Джонатана.

Она сидела в хвосте самолета с Иветт Бертолли, невероятно элегантной женщиной, которая была его партнером по бизнесу и поехала вместе с ними во Францию; она жила в Париже, и Джонатан довез ее до Ниццы, где у него была вилла. Винсент утопала в огромном кресле у окна и на миг вообразила, что осталась в одиночестве.

– Красиво, правда? – сказала она.

Джонатан склонился над ней, чтобы рассмотреть видневшиеся внизу волны. – Ты снимаешь на видео океан?

– У каждого свое хобби.

– Сколько сюрпризов в этой женщине, – сказал он и поцеловал ее в голову.

Тени

Джонатана преследовала тень. Он заговорил о ней спустя пару часов после приезда на виллу в Ницце, когда они сидели на террасе после обеда. Весна только наступила, но уже было тепло, и с моря дул приятный бриз. Винсент ощущала себя как в тумане от усталости после перелета и пыталась взбодриться с помощью кофе и капель для глаз, которые она закапала в ванной. Иветт, деловой партнер Джонатана, незаметно удалилась в комнату для гостей, оставив его наедине с Винсент. Перед ними высились пальмы, а за спиной билось море неземного бирюзового цвета; этот вид казался ей удивительно знакомым по фильмам, снятым на Средиземноморье, – в большинстве из них были гоночные машины, казино и Джеймс Бонд. Джонатан был в настроении пофилософствовать.

– Может, эта мысль покажется банальной, – сказал он, – но, когда добиваешься успеха, начинаешь привлекать к себе внимание.

– В хорошем или плохом смысле?

– И то и другое, – ответил он, – но я сейчас думаю о плохом.

– О каком-то конкретном человеке?

За их спиной открылась дверь, и на террасе появилась Аня с двумя чашками кофе на маленьком серебряном подносе. Винсент не ожидала ее здесь увидеть – она даже не знала, что Аня тоже поехала с ними во Францию, хотя внезапно поняла, что последние несколько дней не видела ее в особняке в Гринвиче.

– Спасибо, – поблагодарила ее Винсент, – это как раз то, что мне нужно. Аня кивнула. Джонатан взял чашку с подноса, ничего не сказав, – возникающий словно из ниоткуда кофе для него был настолько в порядке вещей, что он не обращал на него внимания.

– Да, – ответил он. – Я про конкретного человека. Есть одна одержимая.

Он встретил Эллу Касперски еще в 1999 году, и не где-нибудь, а в отеле «Кайетт». Она обсуждала с ним возможность инвестировать в его фонд, но решила – разумеется, безо всяких на то оснований, – что безупречная схема выплаты процентов по вкладам – не что иное, как подлое мошенничество. Абсолютно нелогичный и необоснованный, даже безумный вывод, но что он мог поделать? Люди вольны думать все, что им заблагорассудится. Вместе с успехом начинаешь привлекать к себе внимание, возможно, даже некую темную энергию.

– Я думаю, хорошая прибыль от инвестиций как раз доказывает, что ты профессионал в своем деле, – сказала Винсент.

– Именно. Я никогда не считал себя гением, но я кое-что смыслю в том, чем занимаюсь.

– Точно, – согласилась Винсент и взмахнула рукой, будто указывая не только на террасу, но и на виллу у самого Средиземного моря, личный самолет, на котором они сюда прилетели, и всю их роскошную жизнь.

– Я все делал правильно, – продолжил он. – Но Касперски все равно обратилась в КЦББ. Прости, что забиваю тебе голову непонятными аббревиатурами. Это Комиссия по ценным бумагам и биржам. Они контролируют отрасль, в которой я работаю.

Винсент знала, что такое КЦББ, потому что старалась следить за новостями экономики и финансов, но лишь кивнула в ответ.

– Они все досконально проверили. И естественно, ничего не нашли. Потому что нечего было искать.

– А что с ней стало потом, ты не знаешь? После расследования?

– Я с ней не говорил. Но мне рассказывали люди, с которыми она общалась.

– Если она распускает лживые слухи, – спросила Винсент, – ты ведь можешь засудить ее за клевету?

– Надо понимать, – сказал он, – что в моем бизнесе самое главное – это репутация. Я не могу ею рисковать и попадать в сводки новостей.

– То есть даже потенциальная возможность скандала – это почти так же плохо, как и сам скандал.

– Умница. Но я как-то задумался над этой историей, когда улеглось безумие с КЦББ, и понял, в чем суть. Дело в деньгах, которые она хотела вложить. Это было наследство ее отца. Он умер незадолго до того. Денежные вопросы иногда решаются под влиянием эмоций – что правда, то правда.

Аня незаметно перемещалась по террасе и расставляла свечи для вечера. Что она успела услышать из сказанного? Стоит ли придавать этому значение? Было ли ей вообще дело до их разговоров?

– Эллу Касперски отправила мне бредовое письмо, – сказал Джонатан, – с какой-то чепухой про наследство отца и прочее. Но, если честно, теперь я понимаю, что она переживала утрату, а от горя любой начнет мыслить немного иррационально.

Запретная тема покойной жены Джонатана на секунду повисла в воздухе, как призрак; они обменялись взглядами, но не стали называть ее имя. Джонатан откашлялся.

– В общем, я рассказал тебе об этом, чтобы ты не удивлялась, если прочтешь о ней в интернете или столкнешься с ней вживую. Ты ведь ни разу не видела ее в «Кайетт»?

– В отеле? Если честно, я мало кого помню из гостей. Я там работала всего шесть или семь месяцев.

– Пока я не смел тебя с ног, – сказал он и поцеловал ее. Его губы были холодными и неприятно пахли несвежим кофе, но Винсент все равно улыбнулась.

– Думаю, зависть можно понять, – сказала она. – Не все добиваются успеха.

(Добилась ли успеха сама Винсент?) Она понимала, что вела по любым меркам необычный образ жизни, но, с другой стороны, цель ее была не совсем ясна. Позже она стояла в одиночестве на террасе, снимала вид на Средиземное море и думала: *«Может быть, этого достаточно. Может, не каждому нужны четкие цели и амбиции. Я могу быть просто человеком, который путешествует по красивым местам и окружает себя красивыми вещами. Возможно, я могу снимать пятиминутные видео всех морей и океанов и найду в этом проекте смысл, своего рода миссию».*

Астронавт

Она встретила с подчиненными Джонатана тем же летом, на вечеринке по случаю Дня независимости, которая продолжалась почти до самого рассвета и задействовала целую флотилию служебных автобусов. Гостей на празднике обслуживал отряд официантов, а на лужайке играл джаз-банд. Все приглашенные работали на Джонатана. Собралось чуть больше ста сотрудников: пятеро из них были из группы управления активами, остальные – из брокерской компании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.